

Умный Экран

Как научить ребёнка дружить
с ИИ и думать самостоятельно

ЛЮБОпытСТВО
+
КРИТИЧЕСКОЕ
мыШЛЕНИЕ
+
ТЕХНОЛОГИИ
=
сЧАСТЛИВОЕ
БУДУЩЕЕ

БОЛЬШЕ
воПРОСОВ
БОЛЬШЕ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ХОРОШИЕ
воПРОСЫ
ДЕЛАЮТ
БОЛЬШОЕ
БУДУЩЕЕ

ЛЮДИ
+
ИДЕИ
+
ИИ
=
БОЛЬШЕ
ДОБРА

ЗАДАВАТЬ
ПРОВЕРЯТЬ
ДУМАТЬ
СОЗДАВАТЬ
БЫТЬ СОБОЙ

Марк Тьюрин | ИИ

Марк Тьюрин

**Умный экран: Как научить
ребёнка дружить с ИИ и
думать самостоятельно**

«Автор»

2026

Тьюрин М.

Умный экран: Как научить ребёнка дружить с ИИ и думать самостоятельно / М. Тьюрин — «Автор», 2026

Умный экран: Как научить ребёнка дружить с ИИ и думать самостоятельно Искусственный интеллект уже рядом с нашими детьми — в поисковых запросах, домашних заданиях, играх и разговорах с голосовыми помощниками. Вопрос не в том, встретится ли ребёнок с ИИ, а в том, научится ли он использовать его с умом — не теряя собственного мышления, любопытства и способности сомневаться. Эта книга — практическое руководство для родителей, которые хотят вырастить не пассивного потребителя технологий, а самостоятельно мыслящего человека, умеющего задавать вопросы, проверять ответы и отличать помощь от подмены. Автор разбирает, как выстроить здоровые границы использования ИИ, какие разговоры стоит вести с детьми разного возраста, и как превратить умный экран из источника тревоги в инструмент развития критического мышления. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Экран, который отвечает слишком быстро	5
Что именно мы хотим сохранить	12
Договор вместо тотального контроля	20
Как машина собирает убедительный ответ	28
Где ломается уверенный тон	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марк Тьюрин

Умный экран: Как научить ребёнка дружить с ИИ и думать самостоятельно

Экран, который отвечает слишком быстро

Во введении мы договорились смотреть на экран не как на отдельного воспитателя, а как на инструмент, который усиливает уже выбранный способ действия. Теперь проверим эту мысль в самой незаметной точке — в той секунде, когда ребёнок ещё ничего не сделал, а ответ уже лежит перед ним.

19:42. Ольга дописывает рабочее письмо в соседней комнате и слышит, как Миша двигает стул. На кухне горит только лампа над столом. На раскрытой тетради лежит учебник, рядом — планшет и карандаш, который Миша крутит между пальцами.

Он не дочитывает условие задачи до конца. Наводит камеру, нажимает кнопку и ждёт.

Через несколько секунд на экране появляются решение, пояснение и аккуратно оформленный ответ. В решении есть даже промежуточные действия: обозначения, переносы, итоговая фраза. Всё выглядит убедительно. Миша переписывает последние две строки и закрывает тетрадь.

Ольга заглядывает на кухню.

«Уже сделал?»

«Ага. Осталось только сдать».

«А можешь объяснить, почему здесь делят на ноль целых восемь?»

Миша смотрит в тетрадь, потом на экран.

«Ну... потому что так надо».

«А что означает ноль целых восемь?»

«Там в решении написано».

Через минуту он уже раздражён:

«Но я же всё сдал».

В этой сцене нет ни тайного обмана, ни намерения обмануть учителя. Миша искренне считает, что получил помощь примерно так же, как если бы спросил у взрослого: «Какой здесь ответ?» Для него препятствие исчезло, задача закончилась. Он не видит, что вместе с препятствием исчезла и часть работы, ради которой задачу дали.

Ольга на секунду думает попросить Мишу показать переписку: выяснить, что именно он сфотографировал, какой запрос написал, сколько раз обращался к помощнику, не переписал ли всё целиком. Это понятный импульс: история сообщений кажется доказательством. Но Ольга останавливается. История покажет, что происходило на экране, но не ответит, что произошло в голове Миши после того, как он увидел готовый результат.

Ольга задаёт другой вопрос:

«Если убрать экран, ты сможешь решить похожую задачу?»

Миша пожимает плечами. Он не знает.

Именно здесь начинается разговор не о том, разрешать ли экран, а о качестве помощи. Проблема не в том, что ребёнок нажал кнопку. Проблема в том, что между вопросом и результатом исчезло усилие.

Когда помощь остаётся помощью

Для этой книги полезно держать простое определение: помощь оставляет ребёнку следующий самостоятельный шаг. Если после ответа он может продолжить сам, проверить себя и

объяснить, что сделал, экран поддержал его мышление. Если машина взяла на себя все шаги, а ребёнку осталось только перенести результат, инструмент подменил самостоятельную работу на своём участке.

Граница проходит не по самому факту использования ИИ-помощника. Один и тот же инструмент может выполнять три совершенно разные роли.

Подсказка

Подсказка отвечает на вопрос «куда смотреть дальше», но не закрывает задачу. Ребёнок уже что-то попробовал, столкнулся с затруднением и просит ограниченную поддержку: напомнить правило, указать ошибку в первом шаге, предложить похожий пример или задать наводящий вопрос.

Совместная работа

Совместная работа начинается там, где у ребёнка уже есть материал для обсуждения. Он приносит свою гипотезу, план, черновик или тезис, а помощник помогает сравнить варианты, обнаружить пробел, привести возражение или проверить структуру. Ребёнок не просто получает текст, а принимает решения по ходу работы.

Списывание

Списывание начинается не с фотографии задания и не с длины ответа. Оно начинается там, где готовый результат выдают за собственную работу без личной попытки, проверки и понимания. Если ребёнок не может объяснить решение или заметить в нём ошибку, он не владеет результатом, даже если ответ случайно оказался правильным.

Это не ярлык для ребёнка и не характеристика его характера. Это описание конкретного действия в конкретной задаче. Один и тот же Миша может утром попросить готовое решение, а вечером использовать помощника как тренера. Задача взрослого не в том, чтобы навсегда приклеить ему ярлык «списывающий», а в том, чтобы различить сценарии и помочь перейти от одного к другому.

Вечер с тремя разными ответами

Через несколько дней Ольга замечает: в семье уже сосуществуют разные сценарии.

Аня, которой пятнадцать, готовит текст для школьного проекта. Тема связана с тем, почему люди меняют своё мнение под влиянием окружающих. На листе у неё записаны четыре фразы. Они неровные, с зачёркиваниями, но в них есть собственная мысль: иногда человек соглашается не потому, что услышал сильный довод, а потому, что устал оставаться единственным несогласным.

Аня фотографирует лист и пишет помощнику: «Сделай из этого хорошее вступление и добавь аргументы».

Ответ появляется быстро: гладкий, логичный, с выражениями, которыми Аня обычно не пользуется. В тексте нет явной ошибки, но после двух абзацев Аня хмурится.

«Звучит умно, но я не понимаю, согласна я с этим или нет».

Здесь быстрый ответ мешает не запомнить какой-то факт, а сформулировать собственную позицию. Пока мысль была неровной, Аня могла с ней спорить, уточнять, менять направление. Готовый текст оказался слишком цельным. Его проще принять целиком, чем разобрать.

Ольга не говорит: «Вот видишь, ИИ украл твой голос». Она спрашивает:

«Что ты хотела доказать до того, как получила этот текст?»

Аня смотрит на свои четыре фразы.

«Что человек иногда меняет мнение не из-за аргумента, а потому, что хочет перестать чувствовать себя чужим».

«Это твой тезис. Давай не просить написать за тебя. Попроси найти слабое место и задать возражение».

Аня переписывает запрос: «Вот мой тезис и два аргумента. Не переписывай текст. Задай мне три вопроса, которые может задать несогласный читатель».

Теперь помощник выполняет другую функцию. Он не выдаёт готовое вступление, а создаёт сопротивление. На один вопрос Аня отвечает сразу, во втором замечает, что аргумент слишком общий, а после третьего меняет формулировку. Позже она снова обращается к помощнику, но уже с просьбой проверить связность абзаца и показать, где вывод не следует из примера.

Это совместная работа. Аня сохраняет исходную мысль, выбирает, на какие вопросы отвечать, и способна объяснить, почему оставила один аргумент, а другой убрала. Если учитель требует полностью самостоятельный текст, это условие остаётся в силе: обсуждение идей не превращает сгенерированный текст в её собственную работу. Но способ обращения Ани к инструменту уже не сводится к передаче задания на исполнение.

У Миши причина другая. Он боится ошибиться ещё до того, как начнёт решать. Для него попытка — это риск получить неправильный ответ и потратить время. Готовый результат снимает тревогу быстрее, чем объяснение устраняет непонимание.

На следующей неделе Ольга предлагает ему попробовать другой способ. Перед запросом Миша должен записать хотя бы один собственный шаг. Не решить всю задачу, а обозначить, что ему уже известно.

Он записывает формулу, потом говорит:

«Я думаю, что нужно сначала найти, сколько осталось. Но не уверен».

Вместо «решить задачу» Миша пишет: «Я начал так. Проверь только первый шаг и дай один намёк, не показывая всё решение».

Ответ показывает, что в первом шаге перепутаны исходное количество и остаток. Помощник задаёт вопрос: «Как связаны целое и часть в условии?» Миша возвращается к тексту, перечитывает его и исправляет действие.

Это занимает больше времени, чем фотография страницы. Зато после этого он может решить похожий пример без экрана. Ольга не хвалит его за то, что он «наконец-то перестал списывать». Она замечает конкретное:

«Ты сначала сделал предположение, потом получил подсказку и сам исправил шаг. Поэтому сейчас можешь объяснить решение».

Для Миши это новый опыт: ошибка не прервала работу. Она стала частью маршрута.

Почему быстрый ответ снижает усилие

Быстрый ответ сам по себе не вреден. Если ребёнок уже умеет решать типовые задачи, быстро получает проверку или использует помощника для поиска примера, сэкономленное время можно направить на более сложную часть работы. Риск возникает тогда, когда скорость убирала не лишнее повторение, а первые мыслительные действия.

Перед тем как получить полноценное решение, ребёнок обычно проходит как минимум три этапа.

Сначала он пытается понять условие и сформулировать, что именно ему неизвестно. Для этого нужно удерживать вопрос, отделять главное от второстепенного и вспоминать похожую задачу.

Затем он делает пробный ход. Он может оказаться неверным, но именно в этот момент становится видно, что ребёнок уже понимает, а что пока нет. Без попытки ошибка остаётся невидимой.

Наконец, после получения результата ребёнок сравнивает его с условием и переводит в свои слова. Это не формальность. Объяснение показывает, стал ли ответ частью его знания или остался чужой последовательностью символов.

Мгновенный готовый ответ способен убрать все три этапа сразу. Ребёнок не формулирует проблему, не рискует сделать первый шаг и не проверяет, как получился результат. Возникает опасная иллюзия: «Я понял, потому что мне всё показали». Узнавание убедительного объяснения не равно способности воспроизвести рассуждение.

Для Миши особенно притягательна не только экономия времени. Готовый ответ ещё и избавляет от неприятного чувства неопределённости. Пока задача не решена, он не знает, получится ли. Пока текст не написан, его позиция кажется слабой. Быстрый ответ превращает неопределённость в гладкую поверхность. Если семья каждый раз позволяет машине мгновенно снимать это напряжение, ребёнок не учится выдерживать короткий период незнания.

При этом не нужно требовать максимального усилия в каждой задаче. Если ребёнок застрял на незнакомом уровне, один намёк полезнее двадцати минут бесплодного напряжения. Вопрос в дозировке: ответ должен возвращать ребёнка к работе, а не заканчивать её за него.

Наблюдать, а не ловить

Тайный контроль соблазнителен именно потому, что родитель тревожится. Ольге кажется: стоит один раз тщательно проверить историю, и станет понятно, насколько серьёзна проблема. Но даже подробная переписка не отвечает на главный вопрос. Ребёнок мог попросить готовый текст, а потом разобраться в нём. Мог получить хорошую подсказку, но неправильно её применить. Мог написать самостоятельный запрос, а затем без проверки скопировать ответ.

Для обычных учебных ситуаций полезнее наблюдать три момента: до запроса, во время ответа и после него. Это не слежка, а открытая семейная договорённость. Ребёнок знает, что взрослого интересует не количество обращений к инструменту, а способ работы.

До запроса можно спросить:

«Что ты уже понял?»

«Какой первый шаг хочешь попробовать?»

«Тебе сейчас нужен намёк, проверка, пример или помощь со структурой?»

Эти вопросы не требуют законченного решения. Они просто не дают экрану стать первой реакцией на любое затруднение.

Во время ответа стоит обратить внимание не только на объём текста, но и на его назначение. Если в запросе появляется «сделай всё», полезно не выхватывать устройство, а остановить привычный сценарий:

«Давай выберем, какую часть ты передаёшь на проверку, а какую оставляешь себе».

После ответа экран стоит на время отложить. Ребёнок может пересказать ход решения, показать, где проверил факт, объяснить смысл абзаца или назвать место, в котором всё ещё сомневается. Не обязательно устраивать устный экзамен по каждому вопросу. Иногда достаточно одной минуты и одного вопроса: «Как ты понял это своими словами?»

Если Миша отвечает: «Там так написано», это не повод немедленно обвинять его. Это сигнал: результат пока не стал его знанием. Можно вернуться на один шаг назад и попросить не пересказать всё, а объяснить только смысл конкретного действия.

Взрослому не нужно читать все сообщения ребёнка, чтобы заметить такие закономерности. Наблюдение за реальными сценариями часто точнее разовой проверки истории. За три или четыре домашних задания видно, делает ли ребёнок попытку, просит ли ограниченную помощь, возвращается ли к условию, способен ли пересказать ответ.

Реплики вместо допроса

Родительский язык легко становится языком тревоги. «Ты опять всё списал?» заранее предполагает вину. «Ты сам это написал?» часто звучит как проверка на ложь. После таких вопросов ребёнок начинает защищать не способ работы, а собственную репутацию.

Ольга постепенно меняет формулировки.

Вместо «Ты списал?» она говорит:

«Покажи, с чего ты начал до запроса».

Вместо «Ты хоть понял, что отправил?»:

«Закрой экран и расскажи, как ты объяснишь этот ответ однокласснику».

Вместо «Никакого ИИ для домашних заданий»:

«Для этой задачи можно попросить намёк или проверить свой ход. Готовое решение мы не сдаём как собственное».

Когда Миша возмущается: «Но я же всё сдал», Павел отвечает:

«Сдать и понять — не одно и то же. Я не спорю, что ответ готов. Давай проверим, сможешь ли ты прийти к нему ещё раз».

Если Аня говорит: «Мне просто нужно было сэкономить время», Ольга отвечает:

«Экономить время можно на редактировании и поиске слабого места. Если готовый текст заменяет твою позицию, мы экономим не время, а собственную работу. Давай найдём участок, где экран ускорит тебя, но не будет говорить вместо тебя».

Полезна и открытая семейная формулировка:

«Я не собираюсь тайно читать каждое твоё сообщение. Мне нужно понять, где помощник делает тебя сильнее, а где забирает первый шаг. Поэтому мы будем обсуждать не сам факт запроса, а четыре признака: была ли попытка, что именно ты попросил, проверил ли результат и можешь ли объяснить его».

Такая реплика меняет положение взрослого. Он не выступает следователем, который собирает доказательства, и не изображает ИИ злодеем. Он предлагает наблюдать за процессом вместе.

Семейная карта

После нескольких бытовых эпизодов Крыловы садятся за кухонный стол. Ольга делит лист на три части и подписывает их: «До запроса», «Во время ответа», «После ответа». Павел предлагает добавить к последнему разделу ещё один вопрос: сможет ли ребёнок объяснить результат своими словами.

До запроса

Первое, что важно увидеть, — была ли собственная попытка. Если ребёнок сразу фотографирует задание или вводит его целиком, это сигнал риска: экран стал первым шагом. Возможность здесь простая — сформулировать, что уже понятно, и сделать хотя бы один пробный ход.

Во время ответа

Здесь нужно различить подсказку и готовое решение. Если в запросе звучит «сделай за меня», а ответ можно сразу сдать, инструмент забирает основную работу. Возможность — попросить один намёк, похожий пример, возражение или проверку собственного хода.

После ответа

Следующий вопрос — проверен ли результат. Риск появляется, когда ребёнок доверяет уверенной формулировке и не возвращается к условию. Полезно сверить ответ с учебником, исходными данными, расчётом или другим источником.

Есть и ещё один вопрос: может ли ребёнок объяснить результат своими словами? Если он читает готовый текст, но не может пересказать ход мысли, ответ пока остаётся чужим. Тогда можно перевести его в собственное объяснение и назвать сомнения, которые ещё не удалось снять.

У карты нет задачи выставить ребёнку оценку. Она нужна, чтобы увидеть исходную точку семьи без преувеличений.

У Миши в первых заданиях картина складывается так: до запроса собственной попытки почти нет; во время ответа он получает готовое решение; после ответа ограничивается тем, что всё «выглядит правильно»; объяснить ход может только с подсказками взрослого. Риск связан не с плохим характером, а с тем, что страх ошибки заставляет его передавать машине первый шаг. Возможность тоже видна: ему легко попросить конкретную подсказку, если такая форма станет привычной.

У Ани карта сложнее. До запроса у неё часто есть тезис и черновик. Во время ответа она иногда просит переписать всё гладко, а иногда использует помощника как критика. После ответа она хорошо объясняет основную мысль, но не всегда замечает, что формулировки перестали быть её собственными. Её риск — не отсутствие работы, а потеря позиции и голоса. Возможность — получать обратную связь, возражения и вопросы, не отдавая экрану право решать, что именно она думает.

У родителей тоже есть место на карте. До запроса они могут вмешаться слишком быстро, потому что боятся провала. Во время ответа начинают выяснять, что именно ребёнок ввёл. После результата смотрят прежде всего на оценку или аккуратность тетради. Их риск — замечать обучение тайным контролем. Возможность — обсуждать процесс открыто и заранее, пока конфликт ещё не разгорелся.

Карту можно заполнять не словами «хорошо» и «плохо», а наблюдаемыми фактами. Например: «Сразу отправил фотографию задания», «сначала написал два предложения сам», «попросила найти слабое место, а не переписать текст», «проверил расчёт обратным действием», «не смог объяснить, почему выбран именно этот аргумент».

Такие записи меняют разговор. Вместо «ты стал ленивым» появляется точное наблюдение: «В трёх заданиях ты просил готовый ответ до первой попытки». С этим можно работать. Обвинение для этого не нужно.

Короткая проверка для своей семьи

Не стоит начинать с большой семейной реформы и длинного списка запретов. Выберите три обычных задания в течение одной недели: одно, в котором ребёнок уверен, одно, где он сомневается, и одно, которое кажется ему скучным. Перед началом договоритесь, что это не проверка на послушание, а проба разных способов работы.

До запроса ребёнок записывает или проговаривает два предложения: что он понял и какой первый шаг готов сделать. Если он ничего не понял, это тоже можно сказать вслух. Тогда запрос может звучать так: «Помоги выделить, что дано и что нужно найти, но не решай».

Во время ответа ребёнок заранее выбирает роль помощника. Ему может понадобиться намёк, проверка собственного решения, похожий пример, поиск возражения к тезису или помощь в редактировании. Формулировку «сделай всё» не нужно запрещать окриком. Лучше спросить: «Какую часть ты готов оставить себе?»

После ответа экран откладывают хотя бы на минуту. Ребёнок объясняет решение, пересказывает аргумент или показывает, что именно изменил в черновике. Если не может, это не повод для наказания. Семья отмечает, на каком участке помощь превратилась в замену.

После трёх заданий можно сравнить не оценки, а четыре признака: появилась ли собственная попытка, стал ли запрос точнее, проверялся ли результат и сохранилась ли способность его объяснить.

Один из полезных запросов для Миши может звучать так: «Я думаю, что сначала нужно сделать это действие. Проверь, верно ли я понял условие, и дай только один намёк». Для Ани: «Вот мой тезис и мой черновик. Не переписывай их. Задай два возражения и укажи, где мне не хватает примера». Такие формулировки не гарантируют идеального результата, но возвращают ребёнку роль автора процесса.

Ошибки, которые усиливают зависимость

Первая ошибка — начинать с тайного расследования. Родитель читает историю запросов, находит готовые решения и предъявляет их как доказательство. Ребёнок в ответ учится не лучше работать, а скрывать следы: удалять переписку, переходить в другой сервис, говорить меньше. Прозрачная проверка, о которой договорились заранее, полезнее тайной охоты за нарушением.

Вторая ошибка — объявлять любое обращение к ИИ списыванием. Если ребёнок просит объяснить незнакомое правило, проверить собственный ход или задать возражение, общий

запрет лишает его полезного способа учиться. Кроме того, ребёнок перестаёт сообщать, чем занимается. Точная граница сильнее широкого запрета: готовый ответ нельзя выдавать за свою работу, а подсказку и проверку можно использовать по согласованным правилам.

Третья ошибка — оценивать только правильность результата. Правильный ответ может быть получен случайно, скопирован или создан с помощью машины без понимания. Наряду с вопросом «Правильно ли?» нужен вопрос «Как ты к этому пришёл?» Иногда ошибочный, но самостоятельно объяснённый ход даёт взрослому больше информации для обучения, чем безупречная строчка без объяснения.

Четвёртая ошибка — превращать каждое объяснение в экзамен. Если после каждого запроса взрослый требует пересказать весь параграф, ребёнок начнёт воспринимать помощь как дополнительное наказание. Достаточно короткой проверки, связанной с конкретным ответом: объяснить один шаг, назвать свой тезис или показать способ проверки.

Пятая ошибка — менять правила после каждого тревожного случая. Сегодня ребёнку разрешают задавать вопросы, завтра отбирают устройство, послезавтра снова требуют самостоятельности. В такой системе ребёнок ориентируется на настроение взрослых, а не на понятные признаки хорошей работы. Семейная карта нужна как раз для устойчивого языка: собственная попытка, ограниченная помощь, проверка, объяснение.

К концу недели Крыловы не приходят к выводу, что Мише нельзя пользоваться ИИ, а Ане нужно писать всё без цифровой поддержки. Они видят другое. Мише нужно сохранить первый шаг и право на ошибку. Ане — собственную позицию и способность спорить с готовой формулировкой. Родителям — возможность замечать процесс без тайного надзора.

Экран остаётся в доме, но теперь семья наблюдает не за тем, кто нажал кнопку, а за тем, где находится человеческая работа. Это спокойная исходная точка: не идеальная, зато измеримая. Дальше придётся решить, какие именно действия нельзя отдавать машине даже ради скорости, а где её помощь, наоборот, расширяет детское любопытство и самостоятельность.

Что именно мы хотим сохранить

Когда экран отвечает мгновенно, разговор о пользе ИИ быстро упирается в страх: что именно исчезнет из жизни ребёнка? Мише и Ане одна и та же технология нужна для разного. Мише — короткая подсказка, чтобы пройти непонятное место в задаче, Ане — собеседник, который поможет заметить слабость в собственном тексте. Родители слышат в обоих случаях одну угрозу: ребёнок перестанет думать.

Помощь остаётся помощью, пока у ребёнка сохраняются собственная попытка, проверка и способность объяснить результат. Теперь семье предстоит назвать не абстрактное «мышление», а конкретные навыки, которые нельзя целиком отдавать экрану.

Когда слово «думать» означает разное

В субботу вечером на кухонном столе лежали три тетради, зарядное устройство, кружка остывшего чая и ноутбук Ольги. Она работала из дома и привыкла к тому, что школьные дела детей возникали между рабочими письмами и ужином.

Миша, которому было одиннадцать, принёс задачник по математике. На экране уже стоял готовый разбор. Ответ выглядел аккуратно: условие переписано, действия пронумерованы, в конце стояло число, обведённое рамкой.

— Ты сам решил? — спросила Ольга.

— Нет, но я понял, — ответил Миша.

Павел взял тетрадь и попросил объяснить второе действие. Миша посмотрел на экран, потом на отца.

— Ну, там сначала нужно было вот это... Я сейчас ещё раз спрошу.

Ольга закрыла ноутбук.

— Вот этого я и боюсь. Если так будет каждый раз, он вообще перестанет думать.

В этот момент Аня, сидевшая у окна, подняла голову от своего текста.

— А что значит «думать»? — спросила она. — Если я сама написала тезис, а потом попрошу найти в нём слабое место, это я думаю или уже нет?

У Ани был другой запрос. Она готовила текст для школьного проекта и не хотела, чтобы за неё создавали готовые абзацы. Ей нужен был спорщик, который не согласится с первой формулировкой.

— Мне нужен собеседник, который задаст неудобный вопрос, но не напишет за меня, — сказала она.

Миша нахмурился:

— А мне не хочется тратить двадцать минут на то, чего я вообще не понимаю.

Все говорили о самостоятельности, но каждый вкладывал в неё свой смысл. Для Ольги это была способность не передавать задачу целиком. Для Павла — привычка сомневаться в уверенном ответе. Для Миши — возможность не застревать в непонятном месте. Для Ани — право сохранить собственный голос и одновременно получить сильную критику.

Пока эти смыслы не разделены, семейные правила будут звучать как спор о разрешении: можно или нельзя пользоваться ИИ. Семья будет контролировать экран, хотя на самом деле ей нужно договориться о поведении ребёнка.

Пять удобных мифов о самостоятельности

Миф первый. Если ребёнок воспользовался ИИ, он уже не думал

Ребёнок может попросить решить задачу целиком и просто переписать ответ. В этом случае собственная работа действительно исчезает. Но тот же инструмент можно использовать иначе: попросить объяснить непонятный термин, найти ошибку в своём рассуждении, предложить контраргумент или задать уточняющий вопрос.

Разница не в самом обращении к ИИ, а в том, какая часть работы осталась у ребёнка. Если он формулирует задачу, делает попытку, сопоставляет варианты и принимает решение, работа мышления не исчезает. Она просто смещается от механического воспроизведения к постановке вопроса, оценке и выбору.

Миф второй. Самостоятельный ребёнок не просит помощи

Такой образ особенно мешает детям, которые боятся ошибиться. Они воспринимают просьбу о помощи как доказательство собственной слабости и либо долго мучаются молча, либо сразу забирают готовый ответ.

Умение сформулировать просьбу о помощи — самостоятельный навык. Фраза «реши за меня» почти не оставляет ребёнку работы. Фраза «я понял условие, но не вижу, как перейти к первому действию; дай один намёк» уже показывает, где находится затруднение и какая поддержка нужна.

Для Миши подсказка в начале может быть полезнее, чем требование двадцать минут сидеть над задачей без движения. Его задача не в том, чтобы доказать выносливость, а в том, чтобы показать собственную попытку и получить поддержку ровно там, где он застрял.

Миф третий. Любая ошибка полезна

Ошибка может учить, если ребёнок видит её, разбирает и получает возможность попробовать ещё раз. Но ошибка, спрятанная за готовым ответом, ничего не тренирует. Не всякая ошибка и безопасна: к примеру, публикация личных данных, сообщение, отправленное в раздражении, или неверная информация в уже сданной работе могут иметь последствия, которые трудно исправить.

Цена ошибки должна соответствовать задаче. Неправильный первый план сочинения обычно можно спокойно переделать. Публичное сообщение от имени ребёнка, содержащее чужие сведения, требует совсем другой осторожности.

Цель родителей не в том, чтобы исключить все ошибки. Важно оставить ребёнку безопасное пространство для проб и включить защиту там, где последствия трудно исправить.

Миф четвёртый. Запрет автоматически сохраняет мышление

Запрет способен на время убрать инструмент, но сам по себе не создаёт навыка задавать вопросы и проверять ответы. Если ребёнок пользуется ИИ тайно, родитель перестаёт видеть не только запросы, но и качество результата. Проблема перемещается из открытой семейной ситуации в скрытую.

Кроме того, полный запрет смешивает разные случаи. Готовый ответ для сдачи, объяснение сложного места, критика собственного текста и сравнение двух гипотез — разные действия. Один и тот же запрет лишает ребёнка полезного сценария и не объясняет, почему другой опасен.

Миф пятый. Гладкий и уверенный текст можно считать хорошим

ИИ умеет формулировать ответы ровно, связно и убедительно. Но гладкость текста не доказывает ни точность фактов, ни понимание ребёнка. Особенно опасен ответ, в котором нет заметных пауз и сомнений: его легко принять за проверенное знание.

Аня столкнулась с этим позже, когда обнаружила в одном из полученных ответов дату, не совпадавшую с учебником. Формулировка была уверенной, но эта уверенность относилась не к факту, а к стилю ответа.

Правильная модель: самостоятельность видна в действиях

Самостоятельное мышление в этой книге — не врождённая черта и не невидимое качество характера. Это последовательность действий, которую можно наблюдать в конкретной задаче.

В семье Крыловых эту последовательность описали четырьмя шагами: вопрос, попытка, проверка, объяснение.

Вопрос

Ребёнок понимает, что именно ему нужно узнать или решить, и выбирает подходящий вид помощи.

Миша может спросить: «Я не понимаю, какое действие сделать первым. Дай подсказку, но не решай задачу полностью». Аня — «Вот мой тезис и два аргумента. Найди слабое место, задай неудобный вопрос и предложи противоположную точку зрения. Не переписывай текст».

Такой вопрос показывает, что ребёнок не передаёт задачу целиком. Он очерчивает границу между своей работой и поддержкой.

Попытка

До обращения к ИИ у ребёнка обычно остаётся хотя бы небольшой след собственной работы: рисунок, запись известных данных, первый шаг, черновой тезис или список сомнений.

Попытка не обязана быть ни правильной, ни длинной. Для Миши это может быть запись: «Известно: 240 книг; выдали $\frac{3}{8}$ всех книг; нужно узнать, сколько осталось после возврата». Для Ани — собственная формулировка идеи и два аргумента, даже если один из них пока слабый.

Требование «сначала попробуй» не должно превращаться в совет мучиться, пока не сдашься. В некоторых задачах достаточно двух-трёх минут, чтобы обозначить условие и место затруднения. Если ребёнок не может сделать даже этого, ему требуется не наказание, а помощь в разборе самого задания.

Проверка

Ребёнок не принимает ответ только потому, что тот появился на экране. Он сравнивает его с учебником, условием задачи, собственным расчётом, другим источником или опытом.

Проверка — не просьба к тому же сервису ещё раз подтвердить собственный ответ. Если ответ ошибочен, новая уверенная формулировка не сделает его верным.

Миша может выполнить обратное действие или оценить, соответствует ли результат масштабу задачи. Аня — сверить дату с учебником, проверить цитату по материалам школьной библиотеки и посмотреть, действительно ли её тезис выдерживает контраргумент.

Объяснение

Ребёнок способен сказать, почему принимает ответ, сомневается в нём или использует только его часть.

«Я доверяю этому действию, потому что после обратного расчёта получается исходное число» — объяснение.

«Я не беру эту дату, потому что в учебнике указано другое, а подтверждения в источнике нет» — тоже объяснение.

«Я согласна с критикой, потому что она показывает противоречие между первым и третьим абзацами» — объяснение.

Если ребёнок говорит только «так написал ИИ», цепочка самостоятельности обрывается. Это не повод немедленно отбирать устройство. Это сигнал вернуться к вопросу, попытке и проверке.

У этих четырёх шагов нет одинаковой сложности для всех возрастов. От Миши, которому одиннадцать, достаточно попросить обозначить данные, сделать первый ход и проверить ответ обратным действием. От Ани можно ожидать более точной постановки задачи, сравнения нескольких аргументов и объяснения, почему она сохранила собственную формулировку.

Семейная диагностическая мастерская

Ольга и Павел решили не начинать с правил использования экранов. Они выделили сорок минут после ужина и назвали это семейной мастерской. На столе лежали четыре листа. Каждый должен был записать две фразы:

«Я боюсь потерять...»

«Я хочу получить с помощью ИИ...»

Упражнение оказалось сложнее, чем ожидали родители. Сначала Ольга написала: «Я боюсь, что дети перестанут думать». Павел посмотрел на её лист.

— Это пока не наблюдение, а прогноз, — сказал он. — Что именно ты увидишь, если этот страх оправдается?

Ольга подумала и переписала:

«Я боюсь, что Миша будет сдавать решения, которые не может объяснить, а Аня — тексты, в которых не узнаёт собственную позицию».

Павел записал другое:

«Я боюсь, что дети начнут считать уверенный ответ правильным и искать у машины одобрение, а не опираться на собственное решение».

Ольга добавила ещё одну строку:

«Я боюсь утечки личных данных и того, что в запросы попадут фотографии, переписки или сведения о школе».

Миша написал быстро:

«Я хочу не тратить двадцать минут на то, чего вообще не понимаю».

Павел не стал исправлять формулировку. Он спросил:

— Если оставить раздражение в стороне, чего ты хочешь добиться?

Миша пожал плечами:

— Чтобы мне объяснили, с чего начать. Только не чтобы сделали всё за меня.

Аня сначала молчала. Потом написала:

«Мне нужен собеседник, который задаст неудобный вопрос, но не напишет за меня».

На следующей строке она уточнила:

«Я хочу сравнивать точки зрения и видеть слабые места, но сохранять авторство и возможность не согласиться».

В этот момент тревога родителей стала точнее, а цели детей — конкретнее. Оказалось, что в семье не нужно защищать одну абстрактную вещь под названием «чистое мышление». Нужно сохранить несколько разных способностей.

Матрица семьи Крыловых

Семья перенесла записи в одну рабочую матрицу. Её не нужно заполнять идеально и раз и навсегда. Достаточно взять две-три реальные ситуации: домашнюю задачу, школьный текст, разговор о личной проблеме или переписку.

В случае Миши сохранить нужно умение начать задачу, выдержать короткое затруднение и честно показать, где непонятно. Развивать — способность получать помощь на первом шаге, а не готовое решение. В черновом расчёте можно ошибиться и переделать его; нельзя сдавать ответ, который ребёнок не способен объяснить.

Ане важно сохранить собственный голос, авторство и способность сформулировать позицию. Она может использовать ИИ как критика: просить задать вопрос, предложить контраргумент или сравнить точки зрения. В черновике можно пробовать спорные тезисы, но с готовыми абзацами нужна осторожность, особенно если их легко выдать за собственный текст.

Обоим детям нужно развивать проверку фактов и право не соглашаться с уверенным ответом. Они учатся сравнивать результат с условием, учебником, расчётом и другими источниками. Можно принять неверную гипотезу как рабочую и потом исправить её; нельзя доверять непроверенной информации в работе, которая влияет на оценку, здоровье или важное решение.

Отдельного внимания требует ответственность за личные данные и последствия отправки. Дети учатся описывать ситуацию без имён, адресов, фотографий, номеров телефонов и частных переписок. Вымышленный или обезличенный пример можно обсуждать; с любыми сведениями, по которым можно узнать ребёнка, семью или школу, нужна особая осторожность.

Наконец, важно сохранить способность принимать решения без машинного одобрения. Аня сравнивает мнение ИИ со своей позицией и критериями задания, Миша объясняет собственный выбор. Можно выслушать несколько вариантов и изменить мнение; нельзя считать фразу «так сказал ИИ» достаточным основанием для поступка.

Нижняя строка матрицы, которую Крыловы записали крупно, выглядела так:

Вопрос — попытка — проверка — объяснение.

Это не оценочная шкала и не повод ставить ребёнку четыре балла. Иногда в сложной задаче первая попытка будет очень короткой, а объяснение — неуверенным. Семья использует эту строку, чтобы увидеть, где именно остановилась самостоятельность.

Если нет вопроса, ребёнок, возможно, не понял задачу или передал её целиком.

Если нет попытки, ИИ слишком рано занял место собственного рассуждения.

Если нет проверки, ответ остался предположением.

Если нет объяснения, ребёнок, вероятно, пока не присвоил результат.

Страхи родителей и реальные риски

Ольга заметила, что слово «страх» заставляло её сразу вводить запрет. Когда она переводила страх в наблюдаемую ситуацию, появлялось несколько вариантов действий.

Страх «Миша разучится считать» становится реальным риском, если он регулярно переписывает готовые решения, не решает похожую задачу без экрана и не может объяснить ни одного шага. Смотреть стоит на другое: способен ли он выполнить аналогичное действие после подсказки, проверить результат и решить простую задачу без помощи.

Страх, что Аня обманет учителя, превращается в конкретную проблему, если она сдаёт текст, в котором не может объяснить тезис, происхождение фактов и смысл отдельных абзацев. Проверить это можно по тому, способна ли Аня устно защитить свою позицию, назвать использованные источники и показать, какие изменения внесла сама.

Тревога об утечке данных становится обоснованной, если ребёнок отправляет в запрос фотографию документа, снимок экрана с перепиской, фамилию и адрес, название школы, номер телефона или сведения о другом человеке. Важно заметить, умеет ли он заменить имя на «одноклассник», пересказать ситуацию своими словами и удалить детали, по которым можно узнать участника.

Наконец, дети действительно могут начать зависеть от одобрения машины, если меняют мнение только потому, что ответ звучит уверенно, просят определить, кто прав в личном конфликте, или не могут выбрать вариант без внешнего подтверждения. Здесь стоит наблюдать, способен ли ребёнок назвать собственные критерии решения и сказать, с чем именно он не согласен.

Такая разница не отменяет родительскую тревогу. Она делает её рабочей. Если риск нельзя увидеть в поведении, его трудно обсуждать с ребёнком без обвинений. Если риск описан конкретно, можно договориться о защите и проверить, помогает ли она.

Цена ошибки

Павел предложил добавить к матрице ещё один вопрос: «Чем ребёнок платит, если ошибается?»

Цена ошибки складывается из трёх вещей: насколько легко исправить последствие, насколько оно серьёзно и чему ошибка может научить. По этим критериям семья увидела большую разницу между задачами.

Неправильный черновой план сочинения обратим. Его можно перечеркнуть, обсудить и перестроить. Ошибка в первом решении математической задачи тоже обычно обратима, особенно если ребёнок проверяет её до сдачи. В таких ситуациях ему нужно пространство для самостоятельной работы.

Непроверенный факт в итоговом школьном проекте исправить сложнее: работа уже отправлена, а ребёнок мог не заметить ошибку. Сюда же относятся личная переписка, фото-

графия документа, сообщение, написанное в сильных эмоциях, и советы, касающиеся здоровья. В таких случаях нужны пауза и участие взрослого.

Есть и третий вариант: ошибка выглядит учебной, но не даёт опыта. Ребёнок просит готовый ответ, ошибается при переписывании, получает низкий результат и слышит только: «Я же говорил». Такая ошибка не формирует навык проверки. Она лишь усиливает страх и желание в следующий раз найти ещё более быстрый способ скрыть затруднение.

Миша особенно хорошо показал эту разницу. Если потребовать от него двадцать минут самостоятельной работы над непонятной задачей, он может просто смотреть на страницу и ждать, когда мучение закончится. Это не тренировка мышления. Семья договорилась считать попыткой не длительное страдание, а конкретное действие: выписать данные, нарисовать схему, назвать неизвестное, сделать первый расчёт.

После этого Миша может обратиться за подсказкой. Его самостоятельность состоит не в том, чтобы никогда не просить помощи, а в том, чтобы передать машине только место, где он застрял, а не всю задачу.

Как матрица работает в реальных ситуациях

Через несколько дней Миша снова принёс задачу. В ней говорилось, что в школьной библиотеке было 240 книг. За неделю выдали три восьмых всех книг, а затем вернули 27. Нужно было определить, сколько книг стало в библиотеке.

Раньше Миша написал бы в запросе: «Реши задачу», переписал бы ответ и перешёл к следующему упражнению. Теперь он записал:

«Известно: 240 книг. Выдали $\frac{3}{8}$. Вернули 27. Нужно узнать итоговое количество. Не понимаю, с какого действия начать».

Он уже сделал попытку: вычислил, что одна восьмая от 240 — это 30. Но дальше остановился.

— Что тебе сейчас нужно? — спросила Ольга.

— Один намёк. Не ответ.

Миша сформулировал запрос именно так. Получив подсказку о первом шаге, он умножил 30 на 3, получил 90, затем вычел 90 из 240 и прибавил 27. В итоге у него получилось 177.

Павел не спросил: «Правильно?» Он спросил:

— Как ты проверишь?

Миша сначала хотел снова обратиться к ИИ. Потом посмотрел на записи.

— Если после выдачи осталось 150, а вернули 27, должно получиться 177. Ещё можно проверить, что 150 плюс 90 — это 240.

Он объяснил решение своими словами. Задача не стала лёгкой только потому, что рядом оказался экран. Но экран помог пройти место, где Миша застрял, не забирая саму работу.

Ольга заметила ещё одну перемену. Ей не пришлось угадывать по истории запросов, что именно делал сын. Достаточно было посмотреть на страницу: там были условие, собственный первый шаг и проверка. Процесс стал видимым без тотального контроля.

С Аней ситуация была другой. Она писала текст о том, как менялась жизнь их района после благоустройства общественного пространства. У неё уже были тезис и два аргумента, но она подозревала, что повторяет одну и ту же мысль разными словами.

Она составила запрос:

«Вот мой тезис и два аргумента. Не переписывай текст. Найди слабое место, задай один неудобный вопрос, предложи контраргумент и отдельно укажи, какие факты нужно проверить по источнику».

Ответ помог увидеть проблему в структуре: первый и второй аргументы действительно доказывали одно и то же. Но в ответе появилась дата, которой Аня не находила в учебнике. Формулировка звучала убедительно, и именно поэтому её было легко пропустить.

Аня сверила дату с учебным материалом и убрала её из текста. Контраргумент она оставила, но переписала своими словами. На следующий день Павел спросил:

— Что из ответа ты приняла, а что отвергла?

— Я приняла замечание про повтор, потому что могу показать два абзаца и сравнить их. А дату отвергла: подтверждения нет. Контраргумент оставила как вопрос для обсуждения, но не как факт.

Это и было объяснением. Аня не просто получила полезную формулировку. Она оценила её и приняла решение.

Позже у Ани возникла ещё одна ситуация. Она поссорилась с подругой и хотела загрузить в сервис снимки переписки с просьбой определить, кто неправ. Ольга остановила её не словами «нельзя пользоваться ИИ», а вопросом:

— Какую помощь ты ищешь: решение за тебя, несколько интерпретаций или помощь в формулировке собственного сообщения?

Аня перечитала переписку и поняла, что хочет увидеть возможные трактовки, но не готова отдавать личные сообщения сервису. Она пересказала ситуацию без имён и деталей, получила несколько вариантов объяснения и всё равно поговорила с подругой сама.

Здесь появились сразу две границы. Во-первых, данные другого человека нельзя передавать без необходимости. Во-вторых, машина может предложить версии, но не становится судьёй личного конфликта. Решение остаётся у человека, который знает отношения, контекст и последствия разговора.

Как не превратить четыре критерия в новый контроль

После мастерской Ольга сначала хотела проверять каждое обращение детей к ИИ. Павел заметил, что это снова сделает технологию центром семейной жизни.

— Нам не нужен отчёт о каждом запросе, — сказал он. — Нам нужно видеть, что происходит с задачей.

Семья решила раз в неделю разбирать одну-две реальные ситуации с помощью короткого списка вопросов. Может ли ребёнок своими словами назвать задачу? Остался ли до обращения к ИИ собственный след — запись, план, тезис, расчёт или вопрос? Понятно ли, какая помощь нужна: подсказка, объяснение, критика, сравнение или пример? Проверен ли ответ не только по тому, насколько уверенно и гладко он звучит? Может ли ребёнок объяснить, какую часть ответа он принимает и почему? Нет ли в запросе лишних личных данных и чужих частных сообщений? Наконец, соответствует ли цена возможной ошибки ситуации: в черновике можно пробовать, а перед отправкой важного результата нужна дополнительная проверка?

Первые три вопроса помогают сохранить собственную работу. Следующие два возвращают ответственность за результат. Вопрос о личных данных защищает границу, а последний не запрещает ошибки, а помогает понять, где ошибка допустима.

Родители договорились не спрашивать после каждой задачи: «Ты всё сделал сам?» Этот вопрос слишком грубый и часто вызывает защиту. Вместо него они использовали более точные реплики:

«Покажи место, с которого ты начал».

«Тебе нужен ответ, подсказка или критика?»

«Что в этом результате ты уже проверил?»

«С чем ты не согласен?»

«Если убрать экран, что в этой работе останется твоим?»

Последний вопрос особенно полезен для Ани, но подходит и Мише. Он не требует отказываться от помощи. Он помогает увидеть собственный вклад.

Через некоторое время Ольга поняла, что ей тоже придётся менять привычку. Когда она сама готовила рабочий текст, то иногда принимала первую удачную формулировку без проверки. Теперь дети могли спросить её:

— А ты сама это проверила или просто тебе понравилось, как звучит?

Так семейная практика перестала быть односторонним контролем детей. Родители показывали тот же процесс: сформулировать задачу, сделать набросок, проверить и объяснить решение.

Что семья действительно хочет сохранить

К концу мастерской Крыловой не решились, что любой экран опасен или, наоборот, что ИИ всегда полезен. Они сформулировали более точную цель.

Мише нужно сохранить способность начать задачу и не прятать место затруднения за готовым ответом. Ему можно помочь быстро пройти непонятный участок, но нельзя забирать у него первый шаг и проверку.

Ане нужно сохранить собственный голос, авторство и право не соглашаться с предложенной критикой. Ей можно дать сильного собеседника, но нельзя превращать его в автора текста или судью её решений.

Ольге нужно сохранить возможность видеть процесс, а не иллюзию полного контроля. Павлу — привычку проверять уверенные ответы и не искать машинного одобрения. Всей семье нужно сохранить ответственность за то, что отправлено, сказано или принято на веру.

После такой работы самостоятельность перестаёт быть лозунгом. Её можно увидеть в поведении ребёнка: он задаёт вопрос, делает попытку, проверяет ответ и объясняет, почему доверяет ему или не доверяет. У разных детей эти действия будут выглядеть по-разному, но последовательность останется узнаваемой.

Теперь семье легче вводить правила. Они будут защищать не абстрактную «чистоту детства» и не запрет ради запрета, а конкретные способности: начать, сомневаться, проверять, выбирать и отвечать за результат. Следующий шаг — превратить эти наблюдения в договорённости, где у ребёнка будут не только ограничения, но и понятные права на помощь, пробу и ошибку.

Договор вместо тотального контроля

К этому моменту у нас есть два ориентира. Помощь остаётся помощью, пока ребёнок сам пытается разобраться, проверяет результат и может его объяснить. Самостоятельное мышление видно в действии: ребёнок задаёт вопрос, пробует, проверяет и понимает, что получилось. Теперь этим ориентирам нужен не очередной лозунг, а домашний маршрут: что делать в обычный вторник, когда задание сложное, ответ вызывает сомнения, а взрослый занят.

Ольга начала с правила, которое звучало разумно:

«ИИ можно использовать только под присмотром взрослого».

Она написала его на листе и прикрепила к холодильнику. Ольга работала из дома и рассчитывала, что сможет время от времени заглядывать в экран Миши или Ани. Ей хотелось не допустить готовых решений, утечки личных данных и бесконечного сидения в телефоне. Правило казалось коротким и надёжным.

Через несколько дней Миша спросил:

«А если ты вышла на кухню за водой, это уже без присмотра?»

«Тогда подожди, пока я вернусь».

«А если ты на встрече и я не хочу мешать?»

«Значит, не пользуйся».

Миша кивнул, но от ИИ не отказался. При Ольге он стал задавать безопасные вопросы вроде «Что такое дробь?», а домашнюю задачу фотографировал позже, когда мать уходила на рабочий созвон. Аня и вовсе перестала рассказывать о своих запросах. Она готовила проект по литературе и использовала ИИ для составления плана, но, услышав новое правило, сказала:

«При тебе я буду спрашивать не то, что мне нужно, а то, что можно произнести вслух».

Тотальный контроль редко делает ребёнка ответственным. Скорее, он учит его не разбираться, а не попадаться. Ребёнок начинает оценивать не качество своей работы, а вероятность того, что взрослый заметит нарушение. Это разные навыки.

Тревожный сигнал: ребёнок удаляет историю запросов, меняет формулировки, ждёт, пока взрослый уйдёт, или спрашивает только о том, «что можно сказать при тебе».

Это значит, что правило контролирует присутствие родителя, но не объясняет, как действовать с полученным ответом. Оно не отвечает на вопросы «когда можно», «что сначала сделать самому» и «что делать, если ответ выглядит сомнительно».

Следующий шаг — не начинать с обвинения. Спросите: «Что ты хотел получить от ИИ и что собирался сделать с ответом?» Затем замените общее «нельзя без меня» несколькими понятными условиями.

Рабочее семейное правило должно быть не забором вокруг устройства, а заранее согласованным маршрутом. Ограничение в нём важно, но рядом с каждым ограничением должно стоять следующее действие. Не «не вводи личные данные», а «если вопрос требует личных данных, замени их условными обозначениями или обратись к взрослому». Не «не списывай», а «сначала покажи свою попытку, затем попроси подсказку и проверь результат».

Такой договор не является юридическим документом. Это домашняя договорённость о том, что ребёнок и взрослый делают до, во время и после использования ИИ. Она работает только тогда, когда обе стороны понимают смысл правил и согласны их соблюдать.

Сигналы неудачного правила

У плохого правила обычно есть три признака.

Во-первых, его невозможно применить без уточнений. «Использовать осторожно», «не сидеть долго», «не списывать», «не задавать глупых вопросов» оставляют ребёнка один на один с догадками. Взрослый потом оценивает не нарушение заранее известного условия, а собственное раздражение.

Во-вторых, правило не содержит следующего шага. Ребёнку говорят «не доверяй ответу», но не объясняют, где его проверять. Говорят «не вводи личные данные», но не показывают, как задать вопрос без них. Требуют «сначала подумай», но не определяют, что считать попыткой.

В-третьих, правило действует только в одну сторону. Ребёнок обязан быть прозрачным, а взрослый может в любой момент забрать устройство, прочитав всё подряд и использовать любую ошибку как доказательство полной ненадёжности. При такой системе ребёнок быстро понимает: честность не помогает.

Семейный договор устраняет все три сбоя. Он не может предусмотреть каждую лазейку. Попытка написать правило на все случаи жизни обычно заканчивается документом на сорок семь страниц, который никто не открывает после первого воскресенья. Достаточно описать повторяющиеся ситуации и договориться о действиях в спорных случаях.

Совет за кухонным столом

Ольга решила обсудить правила вечером, когда домашние задания уже были сделаны. Она подготовила лист с заголовком «Правила использования ИИ» и начала диктовать:

«Первое: пользоваться только с разрешения взрослого. Второе: родитель имеет право в любое время проверить устройство. Третье: за нарушение доступ закрывается на месяц».

Миша сразу поднял руку, будто на уроке:

«А если я нарушу не специально?»

«Нарушение есть нарушение».

«А если я задам вопрос, а потом пойму, что нельзя?»

«Нужно было думать заранее».

Аня отложила ручку.

«Так это не договор. Это список наказаний. Я не буду показывать тебе каждый разговор, если спрашиваю, как лучше сформулировать текст или что делать с конфликтом в классе».

Ольга хотела возразить, но Павел предложил начать с другого вопроса:

«Какая информация нужна нам всем, чтобы понимать, что происходит? Не весь экран и не каждый запрос, а ключевые действия».

Так в семье появились шесть пунктов. Они не отменяли родительский контроль, но превращали его из постоянного наблюдения в согласованный маршрут.

Когда ИИ разрешён

Договор начинается не со слова «нельзя», а с ответа на вопрос: «Для чего ИИ можно использовать?» Если разрешить всё неопределённо, ребёнок услышит полную свободу. Если запретить всё, он начнёт искать обходной путь.

Для Крыловых список разрешённых ситуаций выглядел так.

Миша может попросить объяснить тему простыми словами, привести дополнительный пример, составить вопросы для тренировки или дать подсказку после собственной попытки. Он может сравнить два способа решения, если сначала решил задачу сам.

Аня может попросить помочь составить план проекта, предложить вопросы для проверки текста, указать на неясное место в черновике или потренировать устное выступление. Она может использовать ИИ как редактора, но не обязана принимать каждую правку.

Заранее со взрослым обсуждаются вопросы о здоровье, конфликтах с одноклассниками, деньгах, безопасности и важных сообщениях другим людям. То же относится к загрузке фотографий и документов, а также к любым заданиям, для которых учитель прямо запретил использование ИИ.

Нельзя просить ИИ выполнить за ребёнка контрольную работу, тест, обязательный самостоятельный текст или другое задание, цель которого — проверить его собственные знания. Нельзя выдавать готовый ответ за личную работу, если ребёнок не способен его объяснить.

Для каждого разрешённого сценария нужен простой следующий шаг. Перед запросом ребёнок называет цель: «Мне нужно понять условие», «Мне нужна подсказка к третьему шагу»,

«Мне нужно проверить, понятно ли написан мой абзац». После запроса он должен понимать, где закончилась помощь и началась его собственная работа.

Если задание допускает использование ИИ и ребёнку нужна идея, он просит несколько вариантов, а не готовый итог. Если нужно разобраться в теме, он просит объяснение, а затем закрывает ответ и пересказывает смысл своими словами. Если нужно отредактировать текст, он сохраняет черновик и сравнивает изменения.

Так взрослому не приходится угадывать, что происходит. Он может спросить: «Какую часть ты сделал сам и что проверил?» Это гораздо точнее, чем «Ты опять всё списал?»

Сначала сделай сам

Фраза «сначала сам» часто превращается в требование долго мучиться над задачей. Это не помогает ни мышлению, ни доверию. Собственная попытка не означает, что ребёнок обязан решить всё без подсказки. Она означает, что он сначала столкнулся с задачей самостоятельно и зафиксировал, где именно застрял.

Для Миши собственной попыткой считается такой короткий след:

«Я переписал условие. Известно это и это. Не понимаю, какую операцию делать первой».

Для Ани след будет другим:

«Я сформулировала главную мысль, набросала три аргумента и написала первый абзац. Не уверена, что переход между вторым и третьим аргументом понятен».

Ольга сначала хотела установить таймер: пятнадцать минут без ИИ для любого задания. Но Миша мог бы пятнадцать минут смотреть на условие, а Аня — за пять минут сделать содержательный набросок. В договоре лучше закрепить не длительность мучений, а конкретный результат собственной работы.

Правило можно сформулировать так. Если ребёнок понимает условие, он сначала записывает собственный ход решения, план или черновик. Если условие непонятно, он просит ИИ объяснить термины и структуру задания, но не решать его целиком. Если после попытки осталось конкретное затруднение, он задаёт вопрос именно об этом месте. После ответа он своими словами объясняет решение или внесённое изменение.

Для Миши это звучало так:

«Я не обязан сразу знать ответ. Но обязан показать, что понял задачу и дошёл до места, где нужна помощь».

Для Ани:

«Я могу использовать ИИ на этапе плана и редактуры, но сохраняю собственный черновик и могу рассказать, почему приняла или отвергла предложенную правку».

Тревожный признак — ребёнок вставляет в запрос весь текст задания и просит «сделать полностью», не читая ответ.

Это значит, что ИИ используется не для отдельного шага, а как замена всей деятельности. Ребёнку не приходится формулировать затруднение, поэтому он не учится его распознавать.

Дальше стоит вернуть задачу в режим подсказки. Вместо «реши» написать: «Я думаю так. Укажи ошибку в первом шаге, но не сообщай весь ответ». Если собственной попытки уже нет, после получения ответа ребёнок закрывает экран и решает похожий пример самостоятельно.

Никогда не вводим

Аня однажды хотела спросить ИИ, как ответить подруге, которая перестала с ней разговаривать. Она собиралась вставить переписку целиком, добавить имена и приложить фотографию экрана школьного чата.

«Мне нужен точный совет, иначе он будет слишком общий», — сказала она.

«Точный совет не стоит потери контроля над чужой перепиской», — ответила Ольга.

В договоре появилась отдельная граница: нельзя вводить сведения, по которым можно узнать конкретного человека или получить доступ к его аккаунтам.

К таким данным относятся имя, фамилия и отчество в связке с адресом, номер телефона, домашний адрес, логины, пароли и коды подтверждения, паспортные данные, сведения о банковских картах, медицинские документы, фотографии документов, точное расписание и маршруты ребёнка, а также личные переписки и фотографии других людей без их согласия.

Отдельно семья запретила загружать фотографии и голосовые записи одноклассников. Даже если ребёнок считает это обычной шуткой, он не распоряжается чужой информацией.

Но одного запрета мало. Следующий шаг должен быть заранее прописан.

Если вопрос можно обобщить, имена заменяют на «одноклассник А» и «одноклассник Б», даты и места убирают, скриншот не отправляют. Вместо переписки ребёнок описывает ситуацию своими словами: «Человек сначала отвечал, а потом перестал. Я не понимаю, стоит ли писать первым».

Если проблема связана с угрозами, травлей, шантажом или риском для безопасности, её не пытаются решать с помощью ИИ. Ребёнок показывает материалы взрослому, классному руководителю или школьному психологу. Здесь нужна человеческая помощь, а не подбор красивой формулировки.

Если личные данные уже введены, ребёнок не должен молча удалить переписку и надеяться, что этого достаточно. Он сообщает взрослому, что именно отправил. Если был введён пароль или код, пароль меняют, а активные сеансы и доступы проверяют. Если отправлены чужой документ или переписка, вместе оценивают, кому нужно сообщить о случившемся и как исправить ситуацию.

Аня попросила внести в договор ещё один пункт: «Родитель не читает все мои запросы без причины». Ольга согласилась, но добавила исключение для угрозы безопасности. При обычном использовании она спрашивает о категории помощи и результате, а не требует показывать каждую личную формулировку. Если появляется тревожный сигнал, они разбирают конкретную ситуацию вместе.

Так в договоре соединяются две вещи, которые часто ошибочно противопоставляют: безопасность и личное пространство.

Как отмечаем помощь в учебной работе

Проблема Ани была не только в том, что ИИ мог написать текст. После нескольких таких текстов она обнаружила, что ей трудно ответить на простой вопрос учителя: «Почему ты выбрала именно этот аргумент?»

Готовый текст выглядел аккуратно, но не выражал её мысли. Он сэкономил время при подготовке и одновременно лишил её способности защищать результат.

Семья договорилась: использование ИИ в учебной работе не скрывают, но и не превращают в отчёт о каждой мелкой подсказке. Отмечают ту помощь, которая повлияла на содержание, структуру, аргументы или формулировки. Главным остаётся требование учителя. Если учитель запретил ИИ, семейный договор это правило не отменяет. Если формат неясен, ребёнок спрашивает заранее.

Реплика учителю может звучать так:

«Можно ли использовать ИИ для подготовки плана и вопросов для проверки? Нужно ли указать это в работе?»

Если использование разрешено, в конце можно написать:

«При подготовке я использовала ИИ для составления плана и формулировки вопросов для проверки. Итоговый текст написан мной, содержание и факты проверены по учебнику и материалам урока».

Если ИИ предложил отдельную формулировку, которую ребёнок оставил почти без изменений, это тоже не нужно превращать в тайну. Можно указать: «ИИ помог отредактировать отдельный фрагмент; смысл и проверка содержания выполнены мной». Конкретная форма зависит от требований учителя.

Проблема возникает, когда ребёнок говорит: «Я только немного поправил текст», — но не может показать собственный черновик и объяснить, какие части появились с помощью ИИ. Это значит, что граница между редактурой и передачей работы стала неясной.

Следующий шаг — открыть черновик, сопоставить его с итоговым текстом, выделить предложенные фрагменты и переписать содержание своими словами. Затем нужно проверить факты. Если текст по-прежнему нельзя объяснить, его не следует сдавать как полностью самостоятельный.

В договоре Ольга записала не «всегда показывать весь чат», а три вопроса, на которые ребёнок отвечает после учебной работы:

«Для чего я использовал ИИ?»

«Какую часть сделал сам?»

«Как проверил и как отмечу помощь?»

Этого достаточно для прозрачности в обычной ситуации. Полный разбор диалога нужен только тогда, когда возник спор, риск или серьёзное несоответствие правилам.

Что делаем при спорном ответе

Миша получил от ИИ уверенный ответ на вопрос по истории. Ответ был написан гладко, с датой, именами и объяснением причин. Миша уже собирался переслать его в школьный чат, когда Аня заметила, что дата не совпадает с учебником.

Ольга хотела сказать: «Удаляй немедленно». Миша возразил:

«Но он написал так уверенно. Может, в учебнике ошибка?»

В такой момент легко впасть в одну из двух крайностей: либо принять уверенный ответ за истину, либо сразу его выбросить. Семейный договор предложил третий путь: не отбрасывать вопрос, но остановить распространение ответа.

Порядок действий простой. Сначала ребёнок не пересылает ответ, не вставляет его в работу и не удаляет, пока не поймёт, где именно возникла проблема.

Затем он формулирует сомнение: «В ответе указана дата, которая не совпадает с учебником» или «Я не понимаю, почему из этого условия следует такой вывод».

После этого он проверяет утверждение по независимому источнику: учебнику, записям с урока, материалам учителя, официальному сайту учреждения или обращается с вопросом к взрослому, который разбирается в теме. Новый ответ того же ИИ независимой проверкой не считается.

Если сомнение остаётся, ребёнок не выбирает вариант по принципу «который звучит красивее». Он отмечает, что вопрос пока не решён, и обращается к учителю или взрослому.

Затем ребёнок исправляет работу и кратко фиксирует, что именно оказалось спорным. Запись может быть совсем короткой: «Проверил дату по учебнику, первоначальный ответ ИИ был неверным».

Полезная формула для ребёнка:

«Если ответ влияет на оценку, здоровье, деньги, безопасность или репутацию, я не принимаю его без дополнительной проверки».

Если ответ предлагает опасное действие, просит сохранить секрет, требует личные данные или вызывает сильный страх, ребёнок прекращает диалог и обращается к взрослому. Не нужно спорить с ИИ, проверять ещё десять вариантов или пытаться самостоятельно разобраться в угрозе.

Ольга и Павел отдельно договорились: при спорном ответе они не удаляют его молча и не пересылают дальше. Сначала они разбирают ситуацию вместе. На вопрос Миши «Что будет, если ответ спорный?» Павел ответил:

«Не удалять и не пересылать, а сначала проверить вместе».

«А если я нарушу правило?»

«Сначала выясним, что произошло. Если ты случайно ввёл лишние данные или поверил ответу без проверки, исправим последствия. Если ты намеренно выдал чужую работу за свою или скрыл серьёзный риск, временно сузим доступ. Но ошибка не превращается в пожизненную конфискацию».

Как реагируем на нарушение

Взрослому хочется, чтобы договор заработал с первого раза. Но первый реальный случай почти всегда обнаруживает пробел. Миша однажды получил подсказку, скопировал её в тетрадь и не сказал, что использовал ИИ. Когда Павел спросил, как он решил задачу, Миша замолчал.

Привычная реакция дала бы знакомый набор действий: забрать телефон, запретить ИИ на месяц, прочитать все переписки и объявить, что доверия больше нет. Такая реакция позволяет быстро выплеснуть гнев, но не показывает ребёнку, как восстановить ответственность.

В договоре Крыловых была предусмотрена последовательность действий.

Если нарушение произошло впервые и не создало серьёзного риска, ребёнок вместе со взрослым восстанавливает ход событий: что было задано, что он сделал сам, какой ответ получил, что именно переписал и что теперь нужно исправить. Затем он переделывает работу и объясняет решение без подсказки.

Если ребёнок скрыл использование, повторил нарушение или не сообщил о введённых личных данных, доступ временно сужается. Например, самостоятельное использование оставляют только для объяснений и тренировочных вопросов, а учебные запросы на некоторое время обсуждают со взрослым. Срок ограничения и условие возвращения оговаривают заранее.

Если возникла угроза безопасности, были распространены чужие данные или имел место намеренный обман, взрослый может полностью остановить использование ИИ до выяснения обстоятельств. Но и здесь должна быть точка возврата: разговор, исправление последствий, новое правило или совместная проверка, а не неопределённое «пока не заслужишь».

Родительская обязанность в таком договоре не менее конкретна, чем детская. Взрослый обещает не использовать каждую ошибку как повод пересмотреть все старые претензии, не унижать ребёнка фразами «тебе вообще нельзя доверять» и не превращать признание в ловушку. Если ребёнок честно сообщил о проблеме, это учитывается при выборе реакции.

Ребёнок, со своей стороны, обязуется не скрывать случаи, когда были введены личные данные, получен спорный ответ, использована чужая работа, обнаружена опасная рекомендация или нарушено школьное требование. Сообщить можно коротко:

«Я сделал не по договору. Вот что произошло. Я не знаю, как исправить».

Договор становится рабочим именно в этот момент. Он должен помогать исправить ситуацию, а не только фиксировать вину.

Когда пересматриваем договор

Правило, которое нельзя пересмотреть, быстро начинает жить отдельно от реальности. У Миши появляются новые учебные задачи, Аня начинает готовить проекты, учителя меняют требования, а семья обнаруживает, что один пункт слишком расплывчатый.

Поэтому договор лучше принимать на пробный срок, например на две недели. Дату пересмотра записывают сразу, а не оставляют на неопределённое «потом обсудим».

На встрече семья отвечает на четыре вопроса.

Какие ситуации оказались понятными, а где возникли споры?

Получалось ли у ребёнка сначала сделать собственную попытку?

Было ли легко сообщить о сомнительном ответе или нарушении?

Не использовал ли взрослый контроль шире, чем договаривались?

Если учитель прислал новое требование, ребёнок начал готовить важный проект или возникла проблема с безопасностью, договор пересматривают раньше назначенной даты.

Проверка не должна превращаться в экзамен на послушание. Миша может привести пример, когда он просил подсказку. Аня может назвать ситуацию, в которой ей нужна личная граница. Ольга и Павел должны своими словами объяснить, что они сделают при ошибке. Если кто-то понимает пункт иначе, его переписывают.

Подпись внизу листа не заменяет понимание. Перед тем как подписать договор, каждый участник заканчивает фразы: «Если ответ ИИ окажется спорным, я...» и «Если правило будет нарушено, взрослый сначала...». Если ответы расходятся, семья ещё не договорилась.

Одностраничный семейный договор

Этот шаблон можно заполнить сразу после чтения. Не пытайтесь вписать все возможные случаи. Запишите пять или шесть ситуаций, которые действительно возникают в вашей семье.

СЕМЕЙНЫЙ ДОГОВОР ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИИ

Ребёнок:

Взрослые:

Дата начала пробного периода:

Дата первого пересмотра:

Можно

Мы разрешаем использовать ИИ для:

.....
.....

Если я использую ИИ, мой следующий шаг:

.....

Сначала сделай сам

Перед запросом я:

.....

Если я не понимаю условие, я сначала прошу объяснить:

.....

Получив подсказку, я проверяю себя так:

.....

Никогда не вводим

Мы не вводим имена и контакты вместе с другими личными сведениями, пароли и коды, данные документов, банковские и медицинские сведения, чужие переписки, фотографии и записи без разрешения, а также:

.....

Если вопрос невозможно задать без таких данных, я:

.....

Если данные уже отправлены, я сразу:

.....

Как отмечаем помощь

В учебной работе я сообщаю об использовании ИИ, если он помогал с:

.....

Фраза для отметки:

«.....»

Если учитель запретил использование ИИ, я:

.....

Что делаем при сомнении

Если ответ выглядит спорным, я сначала:

.....

Потом проверяю ответ по:

.....

Если вопрос касается здоровья, денег, безопасности, репутации или угрозы, я обращаюсь к:

.....
Ребёнок обещает:

.....
Взрослый обещает:

.....
Если правило нарушено, мы сначала:

.....
Временное ограничение доступа возможно, если:

.....
Доступ возвращается, когда:

.....
**Когда пересматриваем
Основная дата пересмотра:**

.....
Просим о внеплановом пересмотре, если:

.....
Мы одинаково поняли договор. Пример, который каждый из нас может объяснить:

.....
Подписи или отметка о согласии:

Ребёнок: Взрослый:

У такого листа есть одна важная особенность: он должен лежать не для устрашения, а для обращения к нему в реальной ситуации. Если Миша не знает, можно ли попросить подсказку к задаче, он смотрит раздел «Можно». Если Аня сомневается, нужно ли сообщать учителю об использовании ИИ, она открывает раздел «Как отмечаем помощь». Если Ольга готова немедленно забрать устройство, она сначала читает взаимное обещание взрослого и проверяет, какое именно нарушение произошло.

Договор не делает ответы ИИ надёжнее и не заменяет внимания взрослого. Он решает другую задачу: помогает семье заранее договориться, как действовать до конфликта, во время сомнения и после ошибки. Чтобы проверять ответы не только по семейному правилу, но и по их содержанию, нужно понять, почему машина так часто звучит уверенно даже тогда, когда ошибается.

Как машина собирает убедительный ответ

Ответ уже готов, а ребёнок ещё не успел сформулировать собственную мысль. На экране появляется аккуратный абзац: в нём есть причина, следствие, несколько точных слов и уверенный вывод. Глаз узнаёт знакомую форму хорошего объяснения, и мозг почти автоматически делает шаг: раз звучит разумно, значит, этому можно верить.

Правило помощи уже задано: сначала собственная попытка, затем обращение к ИИ, после этого проверка и объяснение результата. Чтобы ребёнок действительно мог ему следовать, важно понять внутреннюю механику ответа. Не во всех технических подробностях, а ровно настолько, чтобы гладкая фраза перестала выглядеть доказательством сама по себе.

Не готовая страница, а продолжение последовательности

Самая полезная метафора для объяснения работы языковой модели — продолжение последовательности. Она не описывает всю технологию, но помогает убрать лишнюю магию.

Если человеку показать начало фразы «Утром после дождя на дорожке...», он может предположить продолжение: «остались лужи». Если добавить контекст «В отчёте о состоянии двора», продолжение изменится: «наблюдались скопления воды». Если указать, что текст предназначен для ученика пятого класса, фраза станет проще. А просьба написать одно предложение без оценки причин задаст ещё одну форму ответа.

Языковая модель делает нечто похожее, только в гораздо большем масштабе и с использованием множества математических связей, усвоенных во время обучения. Текст для неё условно разбивается на небольшие части: целые слова, кусочки слов, знаки препинания. Получив уже написанную последовательность, модель оценивает, какой следующий фрагмент лучше к ней подходит. Затем добавляет выбранный фрагмент и снова делает такой выбор. Так постепенно возникают предложение, абзац, объяснение или длинный ответ.

Эта схема упрощённая. Современная модель не сводится к обычному автодополнению в телефоне: она учитывает гораздо больше связей между частями текста, удерживает тему, различает стили, сопоставляет вопрос с примерами, встречавшимися в обучающих данных. Но принцип продолжения остаётся полезным. Модель строит ответ шаг за шагом, выбирая формулировки, которые хорошо подходят к запросу и контексту.

Контекст — это информация, задающая рамку задачи: цель, предыдущие сообщения, возраст читателя, исходные данные, ограничения и желаемый формат. Запрос — вопрос или инструкция пользователя. Если запрос короткий и неопределённый, модель заполняет пробелы наиболее привычным способом. Она не знает, что именно имел в виду человек, пока это не указано достаточно ясно, и делает предположение по языковым признакам.

Когда модель продолжает фразу, математическая вероятность показывает, насколько выбранный фрагмент соответствует данному контексту и знакомым языковым образцам. Это не вероятность истинности утверждения. Два понятия звучат похоже, но относятся к разным вещам.

Фрагмент «поэтому» может быть очень уместен после причины. Слово «точно» часто встречается в ответах на подобные вопросы. Число или дата могут естественно выглядеть рядом с названием события. Но уместность слова, гладкость перехода и привычность конструкции не подтверждают, что причина доказана, дата верна, а число взято из надёжного источника.

Модель обучается на большом количестве текстов и настраивается так, чтобы находить устойчивые связи между словами, конструкциями, темами и способами ответа. В этих связях могут быть полезные сведения. Там же встречаются противоречия, ошибки, устаревшие данные и неточные объяснения. Модель не открывает автоматически одну готовую страницу и не переносит её на экран в неизменном виде. Она создаёт новую последовательность, опираясь на выученные закономерности и текущий контекст.

Иногда созданная последовательность почти дословно напоминает знакомый фрагмент. Иногда она соединяет сведения из разных образцов и формулирует мысль, которой раньше не было в таком виде. Поэтому представление, будто модель просто ищет ответ в базе, мешает проверке. Если ребёнок думает, что за каждой фразой стоит найденная страница, он будет искать не доказательство, а воображаемый первоисточник.

Если к модели подключены поиск, документ, калькулятор или другая программа, ситуация меняется лишь частично. Появляется дополнительный материал или инструмент, но сам ответ по-прежнему может неверно пересказать источник, перепутать условия или сделать лишний вывод. Найденный документ, результат расчёта и сгенерированное объяснение нужно различать.

Пять звеньев одного ответа

Удобная схема такова: запрос, контекст, вероятное продолжение, формулировка, проверка.

Она нужна не для запоминания технических терминов, а для того, чтобы остановиться в правильном месте.

Запрос

Запрос задаёт направление, но редко содержит всю задачу. «Расскажи про землетрясения» может означать просьбу о коротком сообщении, объяснение для младшего ребёнка, план презентации, список причин или инструкцию по безопасности. Если уточнений нет, модель выберет наиболее привычный вариант.

Короткий запрос годится для первого наброска. Но если ребёнку нужен ответ для конкретного класса, проекта или ситуации, неопределённость переносится внутрь результата. Модель сама решает, какой объём взять, какие примеры выбрать и насколько уверенно сделать вывод.

Контекст

Контекст добавляет недостающую рамку. Это может быть возраст читателя, цель задания, исходный текст, место, дата, уже известные факты и ограничения.

Фраза «объясни фотосинтез» и фраза «объясни фотосинтез ученику пятого класса в восьми предложениях, используй аналогию с кухней, но отдельно укажи, где аналогия упрощает реальный процесс» задают разные продолжения. Вторая формулировка не делает модель автоматически более точной. Она делает задачу более определённой.

Контекст способен исказить ответ, если сам содержит ошибку. Если в запросе написано: «учитывая, что вода кипит при любой температуре», модель может начать строить объяснение вокруг этого предположения, особенно если её не попросили проверить исходные данные. Добавленная информация помогает только тогда, когда она точна или явно обозначена как гипотеза.

Вероятное продолжение

На этом этапе модель подбирает следующий фрагмент с учётом уже написанного текста. Она стремится продолжать так, чтобы сохранялись тема, стиль, грамматика и форма ответа. Если запрос требует списка, появится список. Если задан школьный формат, возникнут вступление, основная часть и вывод. Если пользователь просит «ответить уверенно и без оговорок», осторожные слова могут исчезнуть.

Модель способна выбрать продолжение, которое хорошо соответствует жанру и частым образцам, но плохо соответствует действительности. Например, на вопрос «почему это произошло?» она почти наверняка предложит причинное объяснение. Сам вопрос уже подсказывает, что причина существует. Если предпосылка неверна или данных мало, ответ всё равно может обрести связную форму.

Формулировка

Формулировка — то, что ребёнок видит на экране. Она может быть краткой или подробной, разговорной или академичной, осторожной или категоричной. Заголовки, нумерация, переходы и заключительный вывод делают текст удобным для чтения и похожим на работу человека, который разобрался в теме.

Но оформление отвечает на вопрос «как это сказано», а не на вопрос «насколько это верно». Один и тот же непроверенный тезис можно оформить неловко или очень убедительно. Содержание от этого не изменится.

Проверка

Проверка выводит утверждение за пределы разговора с моделью. Нужно сравнить его с подходящим источником, выполнить расчёт, провести наблюдение, посмотреть на реальный объект или обратиться к компетентному специалисту.

Для школьного факта подойдут учебник, справочное издание или материал образовательного учреждения. Действующий порядок, льготу или требование нужно сверять с официальным сообщением школы, ведомства, порталом Госуслуг или другой уполномоченной организацией. Для устройства понадобится инструкция производителя. В вопросе о здоровье важно обратиться к взрослому и, если требуется, к медицинскому специалисту, а не полагаться только на гладкий ответ на экране.

Если проверка не проведена, перед нами сгенерированная формулировка, а не подтверждённый факт.

Три разных слоя

В одном ответе полезно различать три слоя.

Слой генерации — то, что модель составила: конкретные предложения, примеры, выводы и рекомендации на экране.

Слой намерения — то, что пользователь имел в виду. Ребёнок мог спрашивать о причине, а получить план действий. Мог просить объяснить своими словами, а получить готовый абзац для сдачи. Мог описывать конкретный двор, устройство или семейную ситуацию, а модель ответила на общий вопрос.

Слой проверки — то, что можно подтвердить вне разговора: отдельные факты, числа, даты, правила, причинные связи и условия применимости.

Ответ может быть сильным на первом слое и слабым на двух других. Он может быть грамотно написан, но не отвечать на настоящий вопрос. Может хорошо отвечать на вопрос, но содержать неподтверждённую дату. Может включать правильные общие сведения, но давать неподходящую рекомендацию для конкретной ситуации.

Разницу легко увидеть на примере.

Запрос: «Почему после дождя возле подъезда долго стоит вода?»

Ответ: «Вода задерживается из-за асфальта, недостаточного уклона и проблем с ливневой канализацией».

Слой генерации: модель составила три причины в связном предложении.

Слой намерения: вероятно, человек хотел понять, что происходит именно возле конкретного подъезда.

Слой проверки: неизвестно, есть ли там недостаточный уклон, засорена ли решётка, хватает ли пропускной способности системы и повторяется ли ситуация после каждого дождя. Эти сведения нельзя получить из одного общего вопроса.

Фраза «проблемы с ливневой канализацией» может быть верной, но может оказаться всего лишь привычным продолжением для вопроса о воде на асфальте. Чтобы превратить её в факт, нужно посмотреть на состояние решётки, рельеф и местные данные. Сам ответ этого не сделал.

Правдоподобная формулировка не равна знанию

Правдоподобная формулировка — это фраза, которая звучит связно, уместно и знакомо, поэтому легко воспринимается как правильная. Проверенный факт — утверждение, подтверждённое подходящим источником, расчётом, наблюдением или специалистом.

Между ними есть промежуточная область. Модель может воспроизвести сведения, которые обычно считаются достоверными, потому что в её обучающих материалах встречались устойчивые и правильные объяснения. Такой ответ часто полезен как первый черновик. Но он не получает автоматическую печать подлинности только потому, что совпал с известным фактом.

Фраза «модель знает» удобна в повседневной речи, но требует уточнения. Точнее сказать: модель научилась находить связи в текстах и иногда воспроизводит сведения, совпадающие с действительностью. У неё нет человеческого опыта, наблюдения за конкретным двором, личного доступа к текущей ситуации и обязанности отвечать за результат. Она не превращает каждое утверждение в подтверждённое знание.

Особенно заметны ошибки там, где нужно заполнить пробел. Если в ответе не хватает сведений о месте, дате, версии устройства или состоянии человека, модель может создать вероятное продолжение. Оно будет звучать как недостающая деталь, хотя в действительности окажется предположением.

У правдоподобия есть несколько особенно убедительных масок.

Первая — точное число без понятного источника. Число создаёт ощущение надёжности, но его точность всё равно нужно проверить.

Вторая — конкретная дата или название документа. Такая деталь добавляет ощущение исторической или юридической уверенности, хотя дата может быть перепутана, а документ — не существовать или относиться к другой теме.

Третья — причинная связка. Слова «поэтому», «из-за этого», «значит» превращают набор наблюдений в объяснение. Логический переход тоже требует проверки.

Четвёртая — ссылка или название источника. Само указание ещё не доказывает, что источник существует, относится к нужной теме или подтверждает именно это утверждение. Ссылку нужно открыть и сопоставить с формулировкой ответа.

Гладкость ответа не случайна

Уверенный тон возникает по нескольким причинам.

Модель обучена продолжать тексты определённого жанра. Если пользователь просит объяснение, система стремится дать объяснение, а не остановиться после слов «данных недостаточно». Если пользователь просит список причин, модель старается собрать его. Если задан вопрос «почему», она ищет связную причинную конструкцию.

Кроме того, уверенные формы привычны для справочных и учебных текстов. Поэтому ответ с заголовком, тремя пунктами и итогом выглядит законченным даже тогда, когда исходных данных мало.

Уверенность может усиливаться самим запросом. Формулировка «ответь однозначно, не сомневайся» меняет стиль, но не добавляет фактов. Просьба «напиши убедительно» усиливает убедительность языка, а не надёжность содержания.

Даже слова «возможно», «вероятно» и «скорее всего» не служат автоматическим измерителем неопределённости. Они тоже сгенерированы. Иногда модель осторожно обозначает реальную границу знания, а иногда просто использует мягкую форму речи, не объясняя, каких данных не хватает.

Поэтому полезно спрашивать не только «какой ответ дала модель», но и «на чём держится каждое утверждение». Уверенный тон — характеристика подачи. Доказательство появляется только в результате отдельного действия.

Упражнение: разложить одну фразу

Возьмите ответ:

«После дождя вода в лужах исчезает главным образом из-за испарения. Если возле подъезда она держится дольше суток, это означает, что ливневая канализация неисправна».

Задача ребёнка — не сразу решать, правильный ответ или неправильный, а разложить его на части.

Сначала нужно назвать сгенерированную формулировку. Это весь текст из двух предложений.

Затем следует определить намерение запроса, который мог стоять за ответом. Вероятно, нужно было объяснить, почему вода исчезает из одних мест быстрее, чем из других.

После этого нужно выделить утверждения для проверки. Важно выяснить, какие условия влияют на исчезновение воды: температура, ветер, солнечный свет, покрытие, рельеф и движение воды. Отдельно нужно проверить, можно ли по одному признаку сделать вывод о неисправности канализации.

Наконец, ребёнок ищет логический скачок. Даже если вода долго стоит, это не доказывает, что причина одна и именно связана с неисправностью системы. Возможны разные объяснения, а конкретное состояние канализации нужно осмотреть или выяснить по надёжному источнику.

Частая ошибка в этом упражнении — проверить только первое предложение, потому что оно звучит как школьный факт, и пропустить второе, где появляется более сильный вывод. Другая ошибка — считать слово «главным образом» признаком точности. Оно смягчает фразу, но не показывает, откуда взялось утверждение.

После такой тренировки ребёнок начинает видеть в ответе не единый блок «правды», а набор отдельных заявлений. Каждое из них можно подтвердить, уточнить или оставить в качестве гипотезы.

Упражнение: два почти одинаковых запроса

Для этого упражнения возьмите одну тему и меняйте только условия. Пример с водой возле подъезда показывает, как контекст перестраивает ответ.

Запрос А:

«Почему в городе после дождя долго стоит вода?»

Вероятное продолжение может выглядеть так:

«Вода задерживается из-за асфальта и бетона, которые плохо впитывают влагу, недостаточного уклона и проблем с ливневой канализацией».

Ответ короткий и понятный. Но в нём есть незаметное усиление: фраза «проблемы с ливневой канализацией» звучит как установленная причина, хотя вопрос не содержит данных о конкретной системе.

Теперь добавим аудиторию, форму и ограничение.

Запрос Б:

«Объясни ученику пятого класса в 120–150 словах, почему после сильного дождя во дворе может стоять вода. Раздели общие причины и причины, которые нужно проверить на месте. Не утверждай, что решётка засорена, если таких данных нет. В конце перечисли три проверки».

Ответ будет устроен по-другому. Он, вероятно, назовёт водонепроницаемое покрытие, особенности рельефа и способность системы отводить воду как общие причины. Затем укажет, что состояние решётки, уклон дорожки и повторяемость лужи нужно проверить на месте. Появятся более осторожные слова: «может», «нужно выяснить», «по одному наблюдению нельзя утверждать».

Теперь добавим исходные данные.

Запрос В:

«Объясни ученику пятого класса в 120–150 словах, почему после сильного дождя во дворе может стоять вода. Известно, что вода собирается у подъезда, дорожка наклонена в

эту сторону, а решётка находится рядом. Раздели наблюдения, возможные причины и то, что нужно проверить. Не утверждай, что решётка засорена, если этого нельзя установить по описанию».

Здесь модель будет строить другой ответ. Наклон дорожки станет возможной причиной скопления воды, но не окончательным доказательством. Близость решётки не покажет, работает ли она правильно. В конце появятся проверки: уходит ли вода через решётку, повторяется ли ситуация после разных дождей, нет ли препятствия на пути стока.

Изменились не знания модели о конкретном дворе, а рамка продолжения.

В первом варианте задана только тема. Во втором добавлены возраст, объём, структура и запрет на выдуманное утверждение. В третьем появились исходные наблюдения и требование разделить факты с гипотезами.

В этом и состоит практическая роль хорошего запроса. Он уменьшает количество скрытых предположений, помогает модели ответить в нужной форме и показывает, где нельзя выдавать догадку за установленную причину.

Но ни один из трёх запросов не заменяет проверку. Модель не осматривала двор, не измеряла уклон и не проверяла решётку. Если исходные данные ошибочны, ответ будет строиться на ошибочном основании. Если попросить назвать «точную причину», модель может предложить её даже тогда, когда информации недостаточно.

Частые сбои в этом упражнении выглядят так.

1. Длинный запрос принимают за надёжный ответ. Подробность задания помогает форме, но не подтверждает содержание.

2. Вставленные предположения называют фактами. Если написать «решётка забита», модель может использовать это как исходное условие, если её отдельно не попросить проверить предпосылку.

3. Просьбу «приведи точные цифры» принимают за наличие цифр. Когда данных нет, модель способна заполнить пробел правдоподобным числом.

4. Просьбу «добавь источники» считают выполненной проверкой. Источники нужно открыть и посмотреть, подтверждают ли они именно это утверждение, а не только тему в целом.

5. Все оговорки убирают ради красивого текста. После этого ответ становится короче и увереннее, но его границы исчезают из поля зрения.

Упражнение: паспорт утверждения

Следующий навык — проверять не весь ответ сразу, а отдельные утверждения. Возьмите любой небольшой текст от модели и пометьте каждую фразу одним из четырёх типов.

Факт — утверждение о том, что произошло, существует или имеет определённое свойство. Например: «Вода при определённых условиях превращается в лёд».

Интерпретация — объяснение, почему что-то произошло. Например: «Лужа дольше сохраняется из-за особенностей покрытия».

Рекомендация — совет о том, что делать. Например: «Нужно очистить решётку и проверить отвод воды».

Прогноз — утверждение о том, что произойдёт дальше. Например: «После очистки вода будет уходить быстрее».

Для каждого типа нужен свой вопрос.

Факт: где его можно подтвердить?

Интерпретация: какие ещё объяснения возможны и какие данные помогут их различить?

Рекомендация: безопасна ли она, подходит ли к конкретной ситуации и не требует ли участия взрослого или специалиста?

Прогноз: на каких условиях он основан и что будет признаком ошибки?

Такой паспорт особенно полезен в трёх бытовых ситуациях.

В домашнем задании модель может дать хороший черновик, но ребёнку нужно проверить термины, даты и причинные связи. Затем он должен суметь пересказать содержание без экрана. Если весь текст исчезает из памяти сразу после копирования, помощь не выполнила свою образовательную функцию.

В семейном вопросе о здоровье гладкий ответ нельзя превращать в диагноз, назначение или основание для изменения лечения. Модель может помочь составить список вопросов для взрослого или врача, объяснить общий термин и оформить информацию. Но решение о лекарствах, дозировке, срочности обращения и действиях при ухудшении состояния требует надёжного источника и участия компетентного взрослого.

В школьном чате или семейной переписке может появиться сообщение о новом порядке, льготе, сроке подачи заявления или работе учреждения. Модель способна убедительно пересказать такое сообщение и даже добавить точную дату. Действующий порядок нужно проверять по официальному уведомлению школы, portalу Госуслуг или сайту соответствующего российского ведомства. Для правил, которые меняются со временем, дата источника имеет такое же значение, как и его название.

Короткий маршрут перед принятием ответа

Перед тем как использовать результат, ребёнок может пройти пять остановок.

1. Что именно утверждает ответ? Перепишите главную фразу своими словами.
2. Что было дано в запросе, а что модель добавила сама? Отделите наблюдения и документы от предположений.
3. Это факт, интерпретация, рекомендация или прогноз? У разных типов разные способы проверки.
4. Какой источник или способ проверки подходит? Учебник, официальный документ, инструкция, расчёт, наблюдение или специалист.

5. Сможете ли вы объяснить, почему доверяете этому утверждению? Если получается сказать только «потому что ИИ так написал», проверка не завершена.

Этот маршрут не требует проверять каждое слово в безобидном творческом тексте. Если модель помогает подобрать название для проекта или переформулировать уже проверенный абзац, риск невелик. Если ответ касается здоровья, денег, безопасности, права, текущих правил или оценки учебной работы, проверка должна быть строже.

Задача для объяснения младшему

Финальная проверка понимания проста: ребёнок должен объяснить механизм младшему, не используя слова «это просто магия» и «компьютер всё знает».

Одна из подходящих коротких версий может звучать так:

«Модель умеет продолжать текст так, чтобы следующий фрагмент подходил к вопросу и уже написанным словам. Поэтому она может составить очень гладкое объяснение. Но гладкая фраза показывает, что текст хорошо собран, а не то, что каждое утверждение доказано. Чтобы получить проверенный факт, нужно отдельно посмотреть источник, сделать расчёт, провести наблюдение или спросить специалиста».

После этого ребёнок должен привести собственный пример. Например, модель может написать, что решётка возле подъезда забита, потому что такая причина часто встречается в ответах о лужах. Но она не видела эту решётку. Значит, «решётка забита» — пока гипотеза, а не наблюдение.

Объяснение не должно превращаться в другую крайность. Нельзя говорить, что ИИ «ничего не знает»: он действительно может воспроизводить полезные сведения и помогать находить связи. Нельзя говорить, что он «только копирует»: он создаёт новые сочетания текста. Нельзя и утверждать, что он намеренно обманывает. Ошибка чаще возникает не из злого умысла, а из попытки продолжить ответ при неполных данных.

Ребёнок понял механизм, если способен различить три фразы:

«Это сформулировал ИИ».

«Это, вероятно, имелось в виду».

«Это подтверждено отдельно».

Первая описывает происхождение текста. Вторая — смысл задачи. Третья — степень доверия, полученную после проверки. Смешивать их нельзя.

Теперь у ребёнка есть рабочая карта: запрос задаёт направление, контекст уточняет задачу, модель строит вероятное продолжение, формулировка делает его удобным для чтения, а проверка связывает слова с реальностью. Следующий шаг — научиться замечать места, где уверенный тон начинает скрывать пробел: лишнюю точность, слишком быстрый вывод, неподтверждённую причину или обещание, основанное на одной красивой фразе.

Где ломается уверенный тон

На экране появляется текст, который почти невозможно не принять за готовую истину: ровные абзацы, точные даты, названия ведомств, причинная цепочка и несколько ссылок. Ошибка прячется не в стиле, а в одном-единственном месте, где ответ незаметно переходит от «это обнаружили» к «именно это стало причиной». Ребёнок уже знает, как устроен маршрут самостоятельного мышления: сначала собственная попытка, затем проверка и объяснение результата. Теперь ему нужно научиться замечать момент, когда проверка ещё не проведена, а уверенный тон уже подталкивает к решению.

Учебное дело: ответ о предприятии у реки

Ниже приведена учебная реконструкция. Это не описание реального предприятия и не утверждение о событиях в конкретном городе. Все даты, показатели и формулировки специально собраны как образец правдоподобной ошибки.

Запрос к ИИ выглядит безобидно:

Подготовь материал для школьного проекта о том, почему предприятие у реки прекратило работу. Покажи события по годам, объясни, была ли причиной загрязнение воды, и укажи источники.

Ответ получается почти образцовым:

«Предприятие окончательно прекратило работу 12 сентября 2018 года после проверки, проведённой Росприроднадзором. В пробах воды были обнаружены превышения предельно допустимой концентрации фенола в 3,4 раза и ртути в 2,1 раза. На основании результатов проверки материалы были направлены в суд, который обязал предприятие остановить производство. В 2019 году началась рекультивация территории, а в 2021 году региональные власти сообщили о завершении очистки реки. Таким образом, основной причиной закрытия предприятия стало систематическое загрязнение водоёма токсичными веществами».

В конце стоят три ссылки. Первая ведёт на страницу регионального ведомства, но документ на ней не открывается. Вторая похожа на заметку информационного издания, однако дата публикации отсутствует. Третья ведёт на материал с заголовком о загрязнении реки, но в самом тексте говорится только о проверке почвы возле предприятия.

На первый взгляд ответ убедителен. В нём есть точное число, два химических вещества, название государственного органа, суд, три года и итоговый вывод. Если читать быстро, все детали складываются в ясную историю: проверка обнаружила загрязнение, суд остановил предприятие, территорию очистили. Но стоит разобрать текст как материал для экспертизы, и история начинает распадаться.

Первое правило такого разбора: не пытаться проверить весь ответ целиком. Сначала нужно разделить его на отдельные утверждения.

Проверяемое утверждение — это фраза, которую можно сопоставить с документом, датой, измерением или наблюдаемым событием. Причинное утверждение отвечает не только на вопрос «что произошло», но и на вопрос «почему это произошло». Именно с причинными утверждениями нужно быть особенно осторожными: они соединяют несколько фактов и нередко выглядят убедительнее, чем подтверждаются.

В этом ответе можно выделить как минимум семь отдельных утверждений:

1. Предприятие прекратило работу.
2. Это произошло 12 сентября 2018 года.
3. Проверку проводил Росприроднадзор.

4. В пробах воды были обнаружены конкретные превышения.
5. Материалы проверки стали основанием для остановки производства.
6. В 2019 году началась рекультивация, а в 2021 году очистка завершилась.
7. Загрязнение воды было основной причиной закрытия.

Одна ссылка не может автоматически подтвердить все семь пунктов. Официальное сообщение о проведённой проверке может подтвердить сам факт проверки, но не обязательно доказывает источник загрязнения, размер ущерба или причину остановки предприятия. Сообщение о судебном решении может подтвердить принятые судом меры, но не заменить лабораторный протокол. Новость об очистке реки не означает, что очистка завершена, а тем более не отвечает на вопрос о текущей безопасности воды.

Поверхность ответа: почему ему хочется верить

Привлекательность этого текста держится на нескольких приёмах.

Точная дата создаёт ощущение документа. Числа с десятичными знаками выглядят как результат измерения. Название ведомства добавляет административный вес. Последовательность «проверка — суд — остановка — очистка» напоминает хорошо составленный отчёт. Наконец, заключение написано без оговорок: не «одной из возможных причин», а «основной причиной».

Но ни один из этих признаков сам по себе не является доказательством.

Точная дата может оказаться датой публикации, которую перепутали с датой события. Число может быть взято из другого показателя или просто появиться как правдоподобное продолжение текста. Государственный орган действительно может упоминаться в материалах, но это ещё не значит, что именно он принимал решение о закрытии. Линейную последовательность событий можно составить задним числом из разрозненных сообщений. Уверенное заключение способно скрывать отсутствие данных.

Нужно смотреть не на то, насколько аккуратно написан ответ, а на то, какую часть каждого утверждения удаётся подтвердить.

Первый проход: найти выдуманную деталь

Выдуманная деталь — это конкретный факт, которого нет в исходных материалах или который невозможно подтвердить по указанному источнику. Она особенно опасна потому, что обычно не выглядит нелепо.

В учебном ответе таким местом может оказаться дата 12 сентября 2018 года. Она звучит правдоподобно. Но что именно произошло в этот день?

Предприятие могло прекратить выпуск продукции, а не прекратить существование. Могло быть временно приостановлено отдельное производство. Могла закончиться лицензия. Могло быть принято судебное решение, которое вступило в силу позже. Наконец, в этот день могла выйти новость о событии, произошедшем месяцем ранее.

Пока документ не отвечает на вопрос «что именно случилось 12 сентября», дата остаётся точной лишь на вид, но не подтверждённой.

То же касается чисел 3,4 и 2,1. Для их проверки нужны как минимум:

- место отбора пробы;**
- дата и время отбора;**
- название вещества;**
- результат измерения;**
- норматив, с которым его сравнивали;**
- лаборатория или метод исследования;**

указание на то, что именно измерялось: вода в реке, сточные воды, грунтовые воды или другая среда.

Фраза «в воде обнаружено превышение» слишком коротка для серьёзного вывода. Сточная вода и вода в реке — разные объекты. Проба возле места сброса и проба в нескольких километрах ниже по течению дают разный контекст. Результат одного измерения не равен доказательству многолетнего систематического загрязнения.

Если источник не показывает протокол или хотя бы его реквизиты, точное число нужно пометить как неподтверждённое. Не обязательно сразу объявлять его ложным. Достаточно честно сказать: «В ответе приведено число, но указанный источник не позволяет его проверить».

Такой язык сохраняет аккуратность. Ребёнок не обязан доказывать, что ИИ ошибся. Его задача — не принять непроверенное за установленный факт.

Второй проход: проверить источник, а не наличие ссылки

Ссылка сама по себе не является источником. Источник — это материал, из которого понятно, кто сообщил сведения, когда это произошло, на каких данных они основаны и что именно подтверждается.

Подозрительная ссылка часто выдаёт себя несколькими признаками:

страница не открывается или постоянно переадресует;

вместо документа появляется поисковая выдача;

заголовок страницы не совпадает с утверждением в ответе;

на странице нет даты, автора или названия организации;

материал пересказывает другой текст, но не указывает первоисточник;

в тексте есть только общая фраза о проверке, а ответ добавляет к ней точные показатели и вывод о причинах;

ссылка ведёт на новость о планах, а ответ описывает уже завершённую работу.

При проверке полезно искать не просто «статью о событии», а четыре опорных элемента: название документа, дату, организацию и конкретный фрагмент, подтверждающий утверждение.

Для учебного материала о предприятии источниками разного уровня могут быть официальные документы региональных органов, публикации Росприроднадзора, судебные акты, лабораторные протоколы, материалы Роспотребнадзора по санитарным вопросам, отчёты предприятия и независимые исследования. У каждого документа своя область достоверности.

Отчёт предприятия может точно описывать его собственные действия, но не обязан раскрывать все нарушения. Сообщение ведомства может надёжно фиксировать проведённую проверку, но быть кратким и не содержать всей доказательной базы. Судебный акт показывает, какие обстоятельства рассматривались в конкретном деле, но не превращает любой упомянутый в нём факт в универсальное объяснение ситуации. Новостной материал помогает увидеть ход событий, но может опираться всего на один комментарий.

Проверка источников не сводится к выбору «официальное — хорошо, неофициальное — плохо». Официальный текст тоже нужно читать с учётом границ его утверждений.

Если ведомство сообщает: «Проведено обследование территории», это подтверждает факт обследования. Если в сообщении сказано: «Выявлены нарушения», нужно искать, какие именно. Если написано: «Материалы направлены в суд», это не равно формулировке «суд признал предприятие виновным». Если сказано: «Разработан план очистки», это не означает, что очистка завершена.

Удобная проверочная формула для ребёнка:

«Какой именно фрагмент источника подтверждает это предложение?»

Если в ответ звучит пересказ общего впечатления, проверка ещё не закончена.

Третий проход: восстановить хронологию

ИИ часто собирает в одну историю события, которые относятся к разным датам и имеют разный статус.

В учебном ответе могут быть перепутаны:

дата отбора пробы;

дата проверки;

дата публикации отчёта;

дата вынесения судебного решения;

дата вступления решения в силу;

дата фактической остановки производства;

дата начала рекультивации;

дата сообщения о планах очистки;

дата завершения отдельного этапа работ.

Слова «закрыли», «приостановили», «остановили производство», «ликвидировали предприятие» и «законсервировали площадку» не являются взаимозаменяемыми. Они описывают разные действия и разные последствия.

То же относится к словам «обнаружили», «доказали», «стало причиной» и «привело к». Обнаружить вещество в пробе — не то же самое, что доказать его источник. Доказать источник — не то же самое, что подтвердить причинную связь с решением о закрытии.

Для восстановления хронологии достаточно нарисовать четыре строки:

Что произошло?

Когда это произошло?

Кто это зафиксировал?

Что было решено после этого?

Затем стоит добавить пятый вопрос: что является фактом, а что — выводом автора?

Например:

В определённую дату отобрали пробу воды.

Позже опубликовали сообщение о результатах проверки.

Затем был принят административный или судебный акт.

После этого предприятие прекратило конкретный вид деятельности.

Ещё позже начались работы на территории.

Такая схема может показать, что «очистка в 2021 году» относится не ко всей реке, а только к одному участку. Она может обнаружить и другое: предприятие остановилось раньше лабораторного исследования. Тогда утверждение «его закрыли из-за этого загрязнения» уже нельзя оставлять без дополнительного доказательства.

Смешанная хронология опасна не только в школьных проектах. Если ребёнок читает старую инструкцию по безопасности, дату действия правила можно перепутать с датой публикации. Если пытается разобраться в возврате товара, сведения о порядке, действовавшем несколько лет назад, могут быть приняты за актуальные. Если ищет информацию о чрезвычайной ситуации, сообщение о прошлогоднем ограничении может выглядеть как действующее предупреждение.

Четвёртый проход: отделить термин от причины

Самая незаметная подмена в учебном ответе скрывается в причинной цепочке.

Проба показала наличие вещества.

Из этого сделали вывод о загрязнении реки.

Из загрязнения вывели вину предприятия.

Из вины вывели причину закрытия.

Из закрытия вывели текущую безопасность или опасность территории.

Каждый такой переход требует отдельной проверки.

Термины тоже могут смешиваться. «Выброс» обычно относится к поступлению веществ в атмосферу. «Сброс» связан с поступлением веществ в водные объекты или системы водоотведения. «Отходы» — не то же самое, что уже доказанное загрязнение. «Превышение норматива» описывает отношение измеренного показателя к установленному пределу, но само по себе не отвечает на вопросы о длительности воздействия, распространении вещества и последствиях для здоровья.

Ребёнку не нужно разбираться во всех технических тонкостях без помощи специалиста. Достаточно научиться замечать подмены:

«Обнаружено» превращается в «вызвало».

«Связано по времени» превращается в «стало причиной».

«На одном участке» превращается в «повсюду».

«Риск существует» превращается в «опасность уже доказана».

«Было принято решение» превращается в «виновный наказан».

Если такая замена встречается в ответе, полезно переписать предложение осторожнее:

«В доступном материале сообщается об обнаружении вещества».

«Связь между этими событиями требует отдельного подтверждения».

«Указанный источник не позволяет определить, относится ли вывод ко всей территории».

Осторожная формулировка не делает текст слабым. Она показывает границы знания.

Пятый проход: проверить, не устарел ли контекст

Даже точный ответ может стать неправильным, если вопрос относится к текущей ситуации, а источники описывают прошлое.

Сведения о предприятии, опубликованные в 2018 году, могут быть корректными для той даты. Но из них нельзя автоматически узнать, что происходит сейчас. За это время могли смениться собственник и вид деятельности, завершиться рекультивация, появиться новые результаты анализов, измениться режим доступа к территории, возникнуть дополнительные ограничения или, наоборот, быть сняты старые.

Устаревший контекст заметен по нескольким признакам:

в ответе нет даты, на которую сведения считаются актуальными;

используется формулировка «на сегодняшний день», но приведён старый документ;

текущее состояние описывается по материалу, который сообщает только о начале работ;

не указано, где именно находится объект;

неясно, относится ли ограничение ко всей территории или к одному участку;

вопрос касается здоровья или безопасности, а источник не содержит свежих данных.

Узкий контекст тоже создаёт ошибку. Один анализ в одной точке не описывает весь водоём. Один отзыв не характеризует качество товара в целом. Один случай неисправности не доказывает, что вся модель устройства опасна. Один судебный материал не заменяет обзор всех обстоятельств.

При работе с ИИ полезно задавать уточняющий вопрос не «Это точно?», а «Для какой даты, места и ситуации это верно?»

Три координаты — дата, место и область действия — часто обнаруживают слабость ответа быстрее, чем повторное чтение красивого вывода.

Шестой проход: увидеть предвзятость исходных материалов

Предвзятость не обязательно означает намеренную ложь. Она появляется, когда материал показывает только одну сторону ситуации, использует выгодные для неё определения или отбирает лишь удобные факты.

В деле о предприятии могут существовать разные информационные рамки.
Предприятие говорит о модернизации оборудования и выполнении предписаний.
Надзорный орган сообщает о выявленных нарушениях.
Жители рассказывают о запахе и изменении цвета воды.
Активисты говорят о длительном ущербе.
Журналист описывает конфликт через самый заметный эпизод.

Каждый такой материал может содержать правдивые фрагменты, но отвечать на разные вопросы. ИИ, собравший их в один текст, способен создать видимость единой и полностью доказанной версии.

Особенно опасно, когда несколько публикаций повторяют один и тот же пресс-релиз. В поисковой выдаче это выглядит как множество подтверждений, хотя первоисточник один. Количество ссылок не равно количеству независимых доказательств.

При анализе исходной базы нужно спросить:

Кто создал материал?

Для какой цели?

Какие факты автор измерял сам?

Какие сведения он пересказывает?

Кого он цитирует?

Что осталось за пределами текста?

Есть ли источник, который описывает тот же эпизод с другой стороны?

Это не означает, что все версии нужно искусственно поставить на один уровень. Лабораторный протокол или судебный акт имеют иное доказательное значение, чем неподтверждённый комментарий в сети. Задача состоит не в том, чтобы уравнивать все мнения, а в том, чтобы видеть интерес автора и границы материала.

Почему одна ошибка меняет весь ответ

Плохо проверенный текст не всегда выглядит плохим. В нём может быть девять верных предложений и одно неверное. Но если именно это предложение отвечает на вопрос «что делать», ошибка становится критической.

Допустим, почти все даты в материале совпадают с документами, а один год перепутан. Для исторического обзора это может быть исправимой неточностью. Но если из-за этой даты ребёнок решит, что ограничение действует сейчас, ошибка уже влияет на безопасность.

Допустим, факт проверки подтверждён, показатели в отчёте есть, а орган, принявший решение, назван неверно. Для школьного текста это требует правки. Но если на основе этой ошибки человек обращается не в то учреждение или считает, что решение уже вступило в силу, последствия меняются.

Допустим, предприятие действительно работало рядом с рекой, а в пробах нашли загрязняющее вещество. Но в источниках не доказано, что вещество поступило именно с этого предприятия. Подмена причины может привести к обвинению, неправильному выводу о риске и ложному ощущению, что вопрос закрыт.

Поэтому ответ нельзя оценивать по средней «степени правильности». Нужно искать фразу, от которой зависит действие.

Учебный алгоритм проверки ответа

Для школьного проекта или обычного познавательного вопроса можно использовать короткий алгоритм.

Сначала выписать одно главное утверждение, которое хочется использовать.

Затем определить его тип: факт, дата, причина, оценка или рекомендация.

После этого найти источник, подтверждающий именно эту часть, а не просто рассказывающий о похожей теме.

Проверить дату, место и масштаб: относится ли источник к тому же событию, территории и периоду.

Разделить наблюдение и вывод: что документ сообщает напрямую, а что добавляет автор ответа.

Сравнить утверждение с независимым материалом, если оно влияет на итог.

В конце определить статус фразы: подтверждено, вероятно, не установлено или требует взрослой проверки.

Четырёх статусов достаточно, чтобы не заставлять ребёнка выбирать между «правдой» и «ложью» там, где данных не хватает.

«Подтверждено» означает, что найден конкретный источник и совпадают дата, объект и содержание.

«Вероятно» означает, что несколько признаков сходятся, но полного доказательства нет.

«Не установлено» означает, что ответ делает вывод, которого источники не показывают.

«Требует взрослой проверки» означает, что цена ошибки высока или ребёнок не может самостоятельно оценить документы и последствия.

В школьном сообщении допустимо написать: «По доступным материалам проверка проводилась, однако связь между выявленным показателем и решением о закрытии в найденных источниках не подтверждена». Такая фраза полезнее, чем уверенный, но слабый вывод.

Четыре ответвления: что меняется в зависимости от задачи

Если задача — подготовить учебный текст

В этом случае ИИ можно использовать как чернового аналитика. Он помогает разложить тему по вопросам, предложить структуру, выделить термины и составить список того, что требуется проверить.

Но итоговый текст должен различать уровни уверенности. Проверенные сведения можно изложить как факты. Спорные — сопроводить источником и оговоркой. Неподтверждённые — исключить или обозначить как вопрос для дальнейшего поиска.

Минимальный набор для такой работы:

один первичный или официальный документ;

один материал, объясняющий контекст;

отдельная проверка ключевых дат;

разделение фактов и причинных выводов;

собственная формулировка ребёнка о том, что именно удалось установить.

ИИ здесь не должен подменять чтение источников. Его полезная роль — помочь заметить пробел: «Для вывода о причине нужен документ, которого пока нет».

Если вопрос касается здоровья или физической безопасности

Формулировка может быть бытовой: можно ли пить воду, идти на участок, принимать средство, сочетать препараты, пользоваться повреждённым устройством, находиться рядом с дымом или запахом газа.

В такой ситуации ответ ИИ нельзя превращать в разрешение или запрет без проверки. Здесь работает правило остановки: не принимать решение, если ребёнок не может сам оценить цену ошибки.

Нужно прекратить действие, не экспериментировать и обратиться к родителю, опекуну или другому ответственному взрослому. По медицинскому вопросу нужна консультация медицинского работника, а в аварийной ситуации — соответствующей службы. При непосредственной угрозе жизни или безопасности в России используется номер 112.

Формула обращения может быть такой:

«В ответе есть рекомендация, но не хватает данных о состоянии, дозировке, месте и времени. Я не могу проверить риск самостоятельно, поэтому не буду действовать без взрослого и специалиста».

Ребёнок не обязан доказывать, что совет опасен. Достаточно того, что он не может надёжно подтвердить его безопасность.

Если вопрос касается денег, договора или права

Ответы о возврате товара, оплате, штрафе, наследстве, договоре, банковской операции или обращении в ведомство часто зависят от даты, содержания документа и конкретных обстоятельств. Общая фраза «по закону можно» редко пригодна для действия без уточнений.

Особенно подозрительны такие формулировки:

«вам точно обязаны выплатить»;

«можно ничего не подписывать и просто не приходить»;

«срок уже истёк»;

«достаточно отправить сообщение»;

«это гарантированный способ вернуть деньги».

Нужно остановить действие, сохранить документы и показать их взрослому. По потребительскому вопросу можно дополнительно свериться с официальными разъяснениями Роспотребнадзора, по банковскому — с информацией Банка России и своего банка, по обращению в государственный орган — с официальным порядком подачи. Если вопрос может повлечь юридические последствия, решение должен принимать взрослый с учётом конкретных документов, а не только общего ответа ИИ.

Формула для ребёнка:

«Ответ звучит уверенно, но я не проверил актуальный порядок и не понимаю последствий. Сначала покажу документ взрослому и найду официальное разъяснение».

Если в тексте есть угроза, давление или требование секретности

Эмоциональное давление не добавляет фактам достоверности. Фразы вроде «срочно отправь деньги», «никому не показывай» или «если не сделаешь сейчас, будет поздно» требуют не ускорения, а остановки.

ИИ может воспроизвести такой тон, если он присутствует в исходном материале, сообщении или запросе. Ребёнку не нужно решать, настоящая ли угроза. Нужно показать сообщение взрослому, не вступать в рискованное взаимодействие и не выполнять требование под давлением. При непосредственной опасности следует обратиться к взрослым и в экстренные службы.

Чек-лист «Пять красных флагов»

Первый флаг: слишком конкретное утверждение без источника

Названы точный день, сумма, процент, адрес, номер документа, результат анализа или фамилия ответственного лица, но нет материала, где это можно проверить.

Действие: отметить утверждение и найти первичный документ. Если документ не найден, не использовать деталь как установленный факт.

Второй флаг: странная или непроверяемая ссылка

Ссылка не открывается, ведёт на пересказ, не содержит даты, не совпадает с текстом ответа или показывает только общий заголовок.

Действие: искать название документа, организацию и дату отдельно. Не считать наличие адреса доказательством.

Третий флаг: уверенность при недостатке данных

Ответ использует слова «точно», «однозначно», «главная причина», «безопасно», «гарантированно», хотя не указаны место, срок, условия или исходные документы.

Действие: перечислить недостающие сведения и заменить утверждение вопросом. Если решение может повредить здоровью, деньгам или безопасности, остановиться и обратиться к взрослому.

Четвёртый флаг: смешение хронологии и терминов

В ответе приостановку называют закрытием, план — завершённой работой, обнаружение — доказанной причиной, старую норму — действующей, а событие после другого автоматически объявляют его следствием.

Действие: построить временную линию и дать каждому важному слову точное значение.

Пятый флаг: давление на эмоции пользователя

Ответ заставляет бояться, торопиться, скрывать информацию, обвинять или немедленно действовать.

Действие: убрать эмоциональный призыв и проверить только факты. Если давление связано с угрозой, деньгами, безопасностью или требованием секретности, сразу привлечь взрослого.

Один красный флаг не доказывает, что весь ответ бесполезен. Он показывает место, где скорость чтения нужно заменить проверкой. Пять красных флагов подряд требуют полностью остановить использование ответа как основания для решения.

Правило остановки

Короткое правило для ребёнка звучит так:

Остановись, если цена ошибки выше твоей возможности её проверить.

Цена ошибки — это не только деньги. Это возможный вред здоровью, риск попасть в опасную ситуацию, потеря документов, нарушение прав, конфликт, обвинение другого человека или действие, которое нельзя легко отменить.

Возможность проверить — не ощущение уверенности. Она складывается из конкретных ресурсов: ребёнок понимает, что именно утверждается; может найти независимый источник; различает дату и текущий статус; способен оценить последствия; знает, к кому обратиться.

Если хотя бы одного из этих элементов нет, следующий шаг — не новая попытка угадать ответ, а пауза.

Удобный протокол выглядит так:

Сначала не выполнять рекомендацию и не передавать ответ дальше как факт.

Затем сохранить исходную формулировку, спорную ссылку и вопрос, на который отвечал ИИ.

После этого назвать возможный ущерб: что произойдёт, если утверждение окажется неверным.

Дальше показать материал взрослому и вместе определить, какой источник нужен.

Если проверка не даёт ясного результата, отложить решение или выбрать безопасный вариант, который не требует риска.

Родителю полезно не спрашивать только «ты уверен?». Такой вопрос часто усиливает спор о впечатлениях. Лучше попросить показать три вещи: главное утверждение, источник и место, где ребёнок сам проверил связь между ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.